СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ X, № 9.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВТѲРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1872 ГОДЪ,

читанный

въ публичномъ собраніи 29-го декабря ординанарнымъ академикомъ

А. В. Никитенко.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1873.

41*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Сентябрь 1873 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ
О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
за 1872 годъ,

читанный въ публичномъ собраніи 29-го декабря ординарнымъ академикомъ
А. В. Никитенко.

Рѣдкій годъ мы не встрѣчаемся съ необходимостью отмѣчать въ лѣтописи нашей утрату лицъ, посвящавшихъ труды свои одинаковымъ съ нами научнымъ цѣлямъ Нельзя сказать, чтобы мы были слишкомъ богаты капиталомъ умственно-научныхъ силъ; отъ того всякое уменьшеніе его тяжело отзывается въ нашемъ сердцѣ—и не должно сѣтовать на насъ, если мы съ нѣкоторою горячностью приводимъ себѣ на память заслуги и достоинства отшедшихъ въ вѣчность нашихъ благородныхъ сотрудниковъ. Нынѣшній годъ особенно былъ для насъ несчастливъ. Впродолженіе немногихъ мѣсяцевъ смерть похитила у насъ нѣсколькихъ достойныхъ дѣятелей изъ нашего круга —Орд. Академика по отдѣленію русскаго языка и словесности Петра Петровича Пекарскаго, почетнаго члена Владимира Ивановича Даля, члена корреспондента Александра Ѳедоровича Гильфердинга. Наконецъ, въ недавнее время къ этимъ утратамъ присоединилась новая: 29 ноября скончался въ Москвѣ членъ-кореспондентъ Академіи Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ.

Позвольте, мм. гг., занять благосклонное вниманіе ваше этою скорбною частію нашей лѣтописи и представить вамъ въ краткихъ чертахъ изображеніе дѣятельности этихъ людей мысли и знанія, честно потрудившихся на пользу отечественнаго образованія.

Іюля 12-го, послѣ кратковременной болѣзни, скончался П. П. Пекарскій. Онъ родился 1828 года въ Оренбургской губерніи, учился въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ по окончаніи курса 1847 года удостоенъ былъ степени кандидата, и въ слѣдующемъ году вступилъ въ службу въ Оренбургское губернское правленіе помощникомъ столоначальника. Въ 1851 году онъ перешелъ въ канцелярію Министра Финансовъ, гдѣ занялъ мѣсто старшаго помощника секретаря, потомъ вскорѣ мѣсто секретаря, а затѣмъ до 1862 года отправлялъ тамъ же должность помощника главнаго бухгалтера. Служебная дѣятельность этого рода мало согласовалась съ его наклонностями и тѣмъ призваніемъ, которыя впослѣдствіи ознаменовались трудами столь полезными для отечественной науки и доставили ему въ ней почетную извѣстность. Отдавая часть своего времени канцелярскимъ работамъ, другую и лучшія свои силы онъ посвящалъ ученымъ и литературнымъ занятіямъ. Уже въ началѣ ихъ умъ его примкнулъ къ одному изъ самыхъ выдающихся современныхъ направленій мысли, возникшему въ обществѣ изъ возбужденнаго сознанія нашей народности, и которое болѣе и болѣе усиливаясь, обѣщаетъ много благихъ послѣдствій для нашего самопознанія. Я разумѣю правдивое и безпристрастное изученіе нашего прошедшаго въ непосредственныхъ его источникахъ—письменныхъ памятникахъ. Одно уже простое извлеченіе изъ неизвѣстности и обнародованіе историческихъ данныхъ и документовъ, прежде недоступныхъ гласности и теперь подлежащихъ общему обсужденію, составляетъ важную заслугу тѣхъ, кто употребляетъ на то свой трудъ и время, или кто другимъ образомъ тому содѣйствуетъ. Коснувшись этого предмета, нельзя однако не замѣтить, что въ этихъ похвальныхъ стремленіяхъ есть своего рода крайности. Такъ, вмѣстѣ съ историческими матеріалами, достойными общей извѣст-

ности и изученія, вошло въ обычай собирать и предлагать публикѣ, будто бы въ интересахъ исторіи, все, что когда-то было и когда-то случилось, единственно потому, что оно было и случилось, мнимыя характеристическія черты лицъ, неимѣвшихъ никакого характера, подробности и эпизоды изъ жизни людей извѣстныхъ, неприсоединяющіе ничего новаго къ ихъ извѣстности, ни для кого не занимательные, кромѣ развѣ ихъ родныхъ и знакомыхъ, словомъ, тутъ часто передаются воспоминанію потомковъ вещи какъ будто для того, чтобы ихъ тотчасъ же можно и нужно было забыть. Очевидно, накопленіе въ литературѣ такихъ данныхъ никакой услуги не оказываетъ исторіи и народному самопознанію, а только опошляетъ историческую любознательность и вноситъ въ общество вкусъ къ мелочному образу мыслей. Палеонтологъ справедливо радуется найденнымъ въ геологическихъ пластахъ костямъ какого нибудь отжившаго животнаго; соединеніемъ ихъ онъ возсозидаетъ цѣлый организмъ и такимъ образомъ проливаетъ свѣтъ на органическую жизнь отдаленнаго первобытнаго міра; но что въ состояніи онъ возсоздать изъ пылинокъ, засѣвшихъ въ разсѣлинахъ и углубленіяхъ земнаго шара? И въ средѣ изучаемыхъ нами человѣческихъ обществъ, есть своего рода историческая пыль, которою не стоитъ заниматься въ виду важныхъ и существенныхъ интересовъ народной жизни. Наука противится всякому эмпирическому измельченію понятій, въ какой бы области историческихъ изслѣдованій они ни происходили. Представители науки, дѣйствующіе по ея идеѣ и методамъ, стараются съ разсудительною разборчивостію вызывать изъ забвенія, собирать и разъяснять только такія данныя прошедшаго, изъ которыхъ можно извлечь основательное знаніе о состояніи вещей въ какомъ бы то ни было отношеніи. Наука не пренебрегаетъ и частностями, отрывочными фактами, когда они служатъ къ разъясненію общаго вопроса или прибавляютъ видную черту къ характеристикѣ лицъ, игравшихъ важную роль въ ходѣ событій. Нашъ покойный Академикъ уже первыми своими произведеніями доказалъ, что онъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ стоялъ на пути серьезныхъ на-

учныхъ изслѣдованій. Вниманіе его постоянно и почти исключительно было обращено на исторію нашей литературы XVIII вѣка. Несмотря на близость этого періода къ нашему времени, или, можетъ быть, по причинѣ самой этой близости, сужденія и мнѣнія о важнѣйшихъ его литературныхъ явленіяхъ и лицахъ основаны были и теперь нерѣдко основываются на отрывочныхъ сказаніяхъ, преданіяхъ и особенно на личныхъ взглядахъ людей, не обладающихъ ни критическимъ талантомъ, ни логикою и безпристрастіемъ исторической правды, которая такимъ образомъ и остается большею частію недоступною общественному мнѣнію. Ставя выше всего эту правду, Пекарскій пролагалъ къ ней путь своими изысканіями, открытіемъ и обнародованіемъ матеріаловъ и источниковъ, откуда она должна являться во всей своей естественной простотѣ. Плодами этого было нѣсколько замѣчательныхъ монографій. Таковы между прочимъ: Русскіе Мемуары XVIII вѣка, напечатаны 1855 года; Мистеріи и старинный театръ въ Россіи, 1857; Новые матеріалы для біографіи Ломоносова, Сумарокова, И. И. Шувалова, Поповскаго и Кантемира, 1858 г.; Петербургская старина, 1860; Представители Кіевской учености въ половинѣ XVII вѣка; критическіе разборы: Исторіи Петра Великаго Устрялова, Исторіи Петербургской духовной Академіи и многія другія статьи, печатанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Но важнѣйшимъ трудомъ Пекарскаго до поступленія его въ Академію Наукъ было обширное сочиненіе въ 2-хъ томахъ: *Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*, изданіе 1862 года. Книга эта составляетъ, можно сказать, цѣлую библіотеку свѣдѣній о зачаткахъ нашего умственнаго движенія, возникшаго изъ реформъ Петра Великаго. Авторъ не довольствовался печатными источниками, что само по себѣ требовало значительныхъ усилій уже по одной трудности ихъ отыскивать, такъ какъ многіе изъ нихъ сдѣлались чрезвычайно рѣдкими; онъ воспользовался рукописями, хранящимися въ Императорской публичной библіотекѣ, Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ

архивахъ Св. Правительствующаго Синода и Академіи Наукъ. Изъ всего имъ собраннаго составилось такое богатство матеріаловъ для изученія нашей литературы за первую четверть минувшаго столѣтія, какихъ въ совокупности не представляетъ намъ ни одно изъ подобныхъ изданій — и потому трудъ Пекарскаго сдѣлался необходимою настольною книгою для всякаго, занимающагося этою частію нашей исторіи. По мѣрѣ того какъ дѣятельность его сосредоточивалась все болѣе и болѣе на научныхъ изслѣдованіяхъ, для него становилась ощутительнѣе необходимость привести и служебныя свои занятія въ соотвѣтствіе съ главною задачею своей жизни. Ему представилась возможность изъ канцеляріи министерства финансовъ перейти на службу при государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, куда и былъ онъ опредѣленъ 1862 года въ званіи старшаго архиваріуса. Здѣсь, можно сказать, у одного изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній о нашей прошедшей общественной и государственной жизни, покойный академикъ очутился совершенно въ своей стихіи. Съ этого времени онъ могъ, не развлекаясь несродными ему канцелярскими заботами, предаться вполнѣ любимымъ своимъ историческимъ изысканіямъ, опираясь на подлинные документы, храненіе которыхъ отчасти было ввѣрено ему. Это спеціальное призваніе еще болѣе утвердилось въ немъ, когда достоинство его трудовъ было торжественно признано сперва присвоеніемъ ему полной Демидовской преміи за книгу «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», а вслѣдъ затѣмъ принятіемъ его въ адъюнкты Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности 1863 года. Черезъ годъ онъ былъ избранъ въ экстраординарные, а въ 1868 году — въ ординарные академики. Съ поступленіемъ въ Академію положеніе Пекарскаго, какъ ученаго, окончательно опредѣлилось. Трудясь въ средѣ, единственной задачей которой служитъ наука, онъ почувствовалъ себя связаннымъ на всю жизнь неразрывно съ научными цѣлями и призналъ уже на всегда за собою тотъ участокъ научной дѣятельности, къ которому находилъ себя призваннымъ. Историческія изысканія,

составлявшія предметъ этой дѣятельности, представляются въ двоякомъ направленіи. Въ одномъ, изыскатель, имѣя дѣло съ фактами, ищетъ одного — свидѣтельства и доказательствъ, утверждающихъ ихъ достовѣрность. Очищая фактъ отъ всего сомнительнаго, невѣрнаго или преувеличеннаго, онъ старается возстановить его во всей его чистотѣ и подлинности и передаетъ такимъ образомъ историку и обществу одному для употребленія его въ цѣлой замышляемой имъ картинѣ и второму для пополненія и просвѣтленія его самопознанія. Какъ безъ правды ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ ни важности, ни силы и никакого достоинства, то изыскатель оказываетъ наукѣ и обществу неоцѣненную услугу, дѣлая правду для нихъ болѣе возможною и доступною. Понятно, какое высокое значеніе заключается въ подобномъ направленіи изысканій. Но къ нему присоединяется другое направленіе, въ которомъ изыскатель, обсуживая изслѣдуемый фактъ, приходитъ наконецъ къ извѣстнымъ выводамъ о его внутреннемъ значеніи, смыслѣ, идеѣ, отношеніяхъ его къ другимъ фактамъ и къ средѣ, гдѣ онъ совершился. Безъ подобной умственной операціи наука не довершала бы рѣшенія своей задачи, или лучше сказать, она ничего не рѣшала бы. Фактъ, какъ сырой, хотя и доброкачественный продуктъ, не самъ по себѣ важенъ; онъ назначается для употребленія, для новой и высшей обработки, для вывода, т. е., для уразумѣнія его значенія и закона. Разумъ къ этому и стремится въ наукѣ. Естественно, въ этомъ стремленіи, отъ поспѣшности и другихъ причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, а болѣе отъ поспѣшности, изыскателю случается дѣлать не рѣдко ошибочные выводы, за истину принимать гипотезу сомнительнаго свойства. И потому неудивительно, что нѣкоторые умы, удовлетворяющіеся единственно неопровержимыми, осязательными данными, не осмѣливаются даже пускаться въ область выводовъ; они готовы довольствоваться скорѣе хоть малымъ въ томъ, что представляетъ имъ очевидность факта, но вѣрнымъ, чѣмъ подвергаться возможности крушеній въ поискахъ за большими сокровищами знанія, запертыми въ

хранилищахъ, куда и трудно и небезопасно проникать. Нашъ покойный академикъ принадлежалъ именно къ разряду тѣхъ ученыхъ изыскателей, которые питаютъ непреодолимую боязнь ко всякой дедукціи; они не допрашиваютъ явленій о ихъ смыслѣ и идеѣ, опасаясь, чтобы ихъ предательски не обмануло неподатливое какое нибудь явленіе во время самаго процеса вывода, или они сами не обманулись, поддавшись обаянію коварной діалектики. Но извѣстно, что во всякой области человѣческой дѣятельности только подъ условіемъ раздѣленія труда достигаются всевозможные успѣхи; такъ и въ области науки. Истины ея требуютъ многихъ и разныхъ спеціальныхъ дѣятелей, и трудъ каждаго изъ нихъ, въ его опредѣленной сферѣ научно и добросовѣстно выполняемый, есть предъ лицемъ науки заслуга, достойно вѣнчаемая почетомъ и уваженіемъ. Пекарскій упорно заглушалъ въ себѣ всякій позывъ къ обсужденію факта, соблазняющему на общій выводъ, хотя по свойству своего образованія и ума онъ имѣлъ полное право на обсуживаніе. Въ замѣнъ этого онъ до такой степени былъ внимателенъ и осторожeнъ въ обращеніи съ каждымъ фактомъ, точенъ и добросовѣстенъ въ объясненіи его и правильной постановкѣ, что всякой, кому пришлось бы имѣть дѣло съ этимъ фактомъ, можетъ смѣло, не колеблясь положиться на свидѣтельство о немъ нашего ученаго. Важнѣйшее качество, отличавшее изысканія его, было, такъ сказать, ихъ *документальность*. На всякомъ изъ нихъ лежитъ печать тщательной провѣрки по подлиннымъ документамъ, источникамъ. Такой строгій методъ можно назвать академическимъ, и ему слѣдовалъ Пекарскій особенно съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ Академію. Конечно, методъ, отличающійся наивозможною правильностію и строгимъ соблюденіемъ извѣстныхъ условій во всякомъ научномъ изслѣдованіи, служитъ нѣкоторымъ образомъ ручательствомъ въ достиженіи истины въ наукѣ, и онъ наиболѣе свойственъ ученому обществу, какъ союзу многихъ умственныхъ силъ, призванныхъ исключительно трудиться для науки и отвѣтственныхъ передъ нею.

Передъ вступленіемъ въ Академію, въ 1862 году Пекарскій

издалъ весьма замѣчательный матеріалъ для исторіи нашей прошедшаго столѣтія, подъ названіемъ: *Маркизъ де ла Шетарди*, съ своими примѣчаніями. Находясь въ Россіи 1740 и 1742 годовъ въ качествѣ французскаго посланника, де ла Шетарди принималъ дѣятельное участіе въ возведеніи на престолъ императрицы Елизаветы. Его переписка со своимъ дворомъ заключаетъ въ себѣ множество важныхъ подробностей, какъ объ этомъ событіи, такъ и о послѣднихъ годахъ царствованія Анны Іоанновны, о регенствѣ принцесы Анны Леопольдовны, о лицахъ игравшихъ тогда главныя роли въ придворныхъ интригахъ и переворотахъ, низвергшихъ Бирона, а потомъ и принцесу регентшу. Изъ академическихъ работъ Пекарскаго особеннаго вниманія заслуживаютъ собраніе матеріаловъ *для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II*, откуда особенно видно, какъ много эта великая Государыня цѣнила отечественную литературу и какъ было значительно ея собственное личное участіе въ ней. Далѣе къ тому же періоду академическихъ занятій Пекарскаго принадлежатъ любопытныя монографіи его о Рычковѣ, Татищевѣ, академикѣ Арсеньевѣ, содержащія въ себѣ новыя свѣдѣнія объ этихъ замѣчательныхъ личностяхъ и ихъ литературной дѣятельности. По волѣ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича, онъ издалъ первый томъ бумагъ Императрицы Екатерины II, дополнивъ его своими примѣчаніями. Второй томъ этого собранія также имъ составленъ и почти оконченъ печатаніемъ. Вслѣдъ за появленіемъ въ свѣтъ каждаго изъ помянутыхъ трудовъ покойнаго академика извѣстіе о ихъ содержаніи и значеніи были помѣщаемы въ годичныхъ обозрѣніяхъ дѣятельности втораго отдѣленія и читаны на публичныхъ нашихъ актахъ.

Послѣднимъ и важнѣйшимъ трудомъ Пекарскаго была „Исторія“ Академіи, которую онъ писалъ по ея порученію. Первый томъ ея вышелъ въ свѣтъ въ 1870 году, о чемъ мы тоже говорили въ свое время. Онъ продолжалъ ее съ обычнымъ своимъ рвеніемъ и въ нынѣшнемъ году и не задолго еще до своей грустной и неожиданной кончины пересматривалъ послѣдніе корек-

турные листы втораго тома, который и отпечатанъ, но, не вышелъ съ свѣтъ только потому, что не вполнѣ еще готовъ слѣдующій къ нему указатель. „Исторія“ Академіи доведена Пекарскимъ до царствованія Екатерины II. Во второмъ томѣ, кромѣ общаго обозрѣнія состоянія Академіи, помѣщены біографіи Тредьяковскаго и Ломоносова. Теперь по оконченнымъ уже томамъ, можно съ нѣкоторою точностію опредѣлить общій характеръ сочиненія. Европейская образованность, преклоняясь передъ авторитетомъ научнаго знанія, которому обязана она лучшими плодами своими, для воздѣланія науки въ ея идеѣ, создала изъ соединенія многихъ умственныхъ силъ особыя общества и подъ наименованіемъ Академій, ввѣрила ихъ охраненію и пособіямъ государства. Геній Петра Великаго понялъ высокую роль науки въ цивилизаціи Европы и значеніе ея для перерожденія своего народа подъ наитіемъ этой цивилизаціи. Въ то же время онъ понялъ и важность учрежденій, посвященныхъ исключительно интересамъ науки, и основалъ Академію на тѣхъ же началахъ, которыя приняты были въ Европѣ. Вслѣдствіе этого предназначенное вообще, по словамъ своего творца, къ тому, чтобы науку *производить* и *совершать*, учрежденіе это въ то же время у насъ должно было служить образцомъ и руководствомъ для научной дѣятельности. Такимъ образомъ Академія, по основному принципу и задачѣ своей, по духу и самой организаціи, предоставлявшей ей извѣстные автономическіе атрибуты, состояла въ непосредственной связи со всемірною наукою и должна была постоянно находиться подъ вліяніемъ ея законовъ и стремленій, — это и опредѣляетъ уже характеръ ея исторіи, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. На него указываетъ и вызовъ изъ Европы лицъ для ея составленія; почти всѣ они были знаменитые ученые, оказавшіе наукѣ важныя услуги своими открытіями и изслѣдованіями. Поэтому историку вмѣстѣ съ повѣствованіемъ о внѣшнихъ судьбахъ Академіи, надлежало изобразить ея внутренюю интелектуальную дѣятельность въ разныя эпохи ея существованія. Какое участіе принимала она въ движеніи Европейской

науки, какихъ результатовъ достигала, въ какихъ отношеніяхъ и сношеніяхъ находилась съ другими учрежденіями ученаго міра и наконецъ, въ какой мѣрѣ методы ею употребляемые проникали въ нашу умственную среду, содѣйствовали нашему научному образованію и распространенію правильныхъ понятій о природѣ страны, естественныхъ ея богатствахъ и т. п.? Вотъ вопросы, естественно входящіе въ програму исторіи этого ученаго братства, которое соединенными силами разныхъ дѣятелей обречено служить высшимъ интересамъ человѣческаго разума и пріумноженію знаній. Каждый изъ членовъ его трудится конечно въ кругу своей спеціальности; но труды его тѣмъ не менѣе направляются духомъ всей ученой корпораціи и входятъ въ итогъ успѣховъ, составляющихъ нераздѣльное достояніе чести и славы цѣлой общины. Эту-то общность духа и направленія съ ихъ результатами историкъ долженъ имѣть въ виду, не входя въ разсмотрѣніе хода и частностей каждой взятой самой по себѣ спеціальности, что конечно превышало бы и силы его. Словомъ, повторимъ сказанное выше, онъ долженъ ознакомить общество столько же со внутреннею духовною жизнію учрежденія, котораго исторію излагаетъ, какъ и со внѣшнею, потому что эта духовная жизнь собственно и составляетъ вопросъ, рѣшеніе котораго требуется.

Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на трудъ Пекарскаго, то онъ, въ вышедшихъ доселѣ томахъ, не представляетъ залоговъ вполнѣ удовлетворительнаго его совершенія. Ему именно недостаетъ изображенія той дѣятельности Академіи, которая составляетъ главную задачу ея существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ недостаетъ и единства идеи, которая групировала бы и соединяла всѣ событія въ одно стройное органическое цѣлое. Въ немъ даже нѣтъ намека на то, чтобы авторъ впослѣдствіи согласовался съ историческимъ методомъ, въ наши дни возведшимъ науку исторіи на такую высокую степень. Но мы были бы крайне несправедливы, если бы только на этомъ основали нашу оцѣнку занимающаго насъ произведенія. Нельзя автора лишать свободы слѣ-

довать собственному воззрѣнію на излагаемый имъ предметъ и требовать отъ него, чтобы онъ ту или другую точку зрѣнія, ту или другую сторону предпочелъ своему образу мыслей и направленію своего дарованія. Мы можемъ желать только правды, въ какой бы сферѣ и въ какомъ бы положеніи вещей ни приходилось ея искать и какой бы участокъ для ея воздѣланія ни былъ въ распоряженіи дѣятеля. Это главное — и ошибкою, заслуживающею осужденіе критики, мы должны считать только то, что несогласно съ правдою или изобличаетъ себя во внутреннемъ противорѣчіи. То, чего недостаетъ труду Пекарскаго, не есть ошибка, а есть только доказательство той истины, что предметъ многосторонній и обильный содержаніемъ можетъ быть излагаемъ не однимъ, а разными лицами и каждымъ въ особенномъ значеніи съ одинакою пользою и успѣхомъ. Часть принятаго на себя труда Пекарскій совершилъ на усвоенной имъ себѣ почвѣ съ такимъ достоинствомъ, которое въ одно и то же время свидѣтельствуетъ о его знаніи, научной добросовѣстности и горячей преданности дѣлу. Вѣрный основному правилу своей научно-исторической дѣятельности искать однихъ фактовъ и въ фактахъ достовѣрности, онъ слѣдовалъ тому же правилу и въ своей академической исторіи. Большая часть сочиненія занята біографіями членовъ Академіи; для самой Академіи отведено въ ней немного мѣста. Но такъ какъ историкъ держался исключительно въ границахъ внѣшнихъ событій, то и этого мѣста достаточно, чтобы дать читателямъ понятіе о положеніи и судьбахъ Академіи. И понятію этому историкъ нашъ сообщаетъ осязательность истины. По свидѣтельству его оказывается, что Академія долгое время колебалась между жизнію и смертію. Открытіе ея произошло подъ счастливыми предзнаменованіями. Милостивое и радушное вниманіе, оказанное Императрицею Екатериною І-ю наукѣ въ лицѣ вызванныхъ изъ-за границы ея представителей, первыхъ академиковъ, доказывало, что эта Государыня горячо приняла къ сердцу мысль своего безсмертнаго супруга о необходимости для Россіи учрежденія, которое бы «производило науку

и совершало ее». Но это продолжалось недолго; послѣ нея Академія подверглась тяжкимъ испытаніямъ. Наука въ ея самостоятельности, въ ея идеѣ и строгой академической формѣ казалась чѣмъ-то совершенно чуждымъ тогдашнимъ умамъ. На нее смотрѣли, какъ на одно изъ тѣхъ нововведеній, которыхъ нельзя уничтожить изъ уваженія къ памяти Петра Великаго и которыя поэтому должны быть терпимы—и только. Случалось, что по нѣкоторымъ вопросамъ управленія считали нужнымъ прибѣгать къ ея совѣтамъ и посылали за ними ордера въ Академію; но и въ такихъ случаяхъ на послѣднюю смотрѣли не болѣе, какъ на нѣкоторый родъ канцеляріи, по департаменту доставленія свѣдѣній и справокъ о такихъ предметахъ, о которыхъ въ другихъ казенныхъ мѣстахъ свѣдѣній не имѣется. Былъ даже моментъ, когда печальное положеніе Академіи дошло до такой степени, что въ Европѣ сильно начали распространяться слухи о предстоящемъ ея уничтоженіи и вмѣстѣ съ тѣмъ о полной неудачѣ усилій Петра Великаго ввести образованіе и науку въ своемъ государствѣ. Правительство чрезвычайно встревожилось этимъ положеніемъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ и, благоразумно понимая, что имъ пренебрегать не должно, предписало нашимъ дипломатическимъ агентамъ разъяснить вездѣ гдѣ слѣдуетъ, что возникшіе слухи не имѣютъ никакого основанія и что существованію Академіи не угрожаетъ никакая опасность. Несмотря на это, судьба ея немногимъ улучшилась. Однимъ изъ главныхъ препятствій къ ея преуспѣянію былъ недостатокъ денегъ, которыми снабжали ее такъ скудно и несвоевременно, что академики часто долгое время не получали жалованья и должны были жить разными изворотами и займами. Не съ меньшими затрудненіями надлежало бороться для пріобрѣтенія необходимыхъ ученыхъ пособій. Ломоносову, не смотря на многократныя энергическія его домогательства, долго приходилось ждать устройства химической лабораторіи. Но особеннымъ и истиннымъ бѣдствіемъ для Академіи былъ тяготившій надъ нею гнетъ канцелярскаго управленія. Всѣмъ образованнымъ міромъ признано, неопровержимымъ опытомъ и самымъ суще-

ствомъ вещей доказано, что академіи, точно также какъ и университеты, невозможны безъ автономіи, которая, подъ главнымъ контролемъ государства, даетъ имъ право установить свою администрацію и распоряжаться своими силами, средствами самостоятельно безъ сторонняго вмѣшательства. Можетъ быть тогда и рано было еще образоваться у насъ убѣжденію, что если какая нибудь внѣшняя сила тѣмъ или другимъ образомъ можетъ замедлить или даже пріостановить на нѣкоторое время успѣхи ума человѣческаго, то нѣтъ такой силы, которая бы въ состояніи была управлять его движеніемъ въ области науки. Между тѣмъ безпрерывное вмѣшательство канцелярскаго управленія въ дѣла Академіи, приводило нерѣдко къ мѣрамъ совершенно не совмѣстнымъ съ интересами науки и съ достоинствами лицъ, трудившихся для нея, и что всего хуже, подавляло духъ учрежденія,—а извѣстно, что духъ ученой общины есть истинная ея сила, безъ которой она можетъ двигаться только физически, но не умственно и нравственно, исполнять обрядъ жизни, но не жить и развиваться, словомъ, безъ этой внутренней силы ученое учрежденіе становится призракомъ, оптическимъ обманомъ, чѣмъ-то въ родѣ извѣстнаго въ физикѣ ложнаго солнца. Кромѣ обычныхъ своихъ вредныхъ для отправленія ученыхъ дѣлъ распорядковъ, канцелярія академическая допускала возвышаться въ средѣ своей такимъ недобросовѣстнымъ личностямъ, какъ Шумахеръ и впослѣдствіи Таубертъ, зять Шумахера, по выраженію Ломоносова «имѣнія его и дѣлъ и чуть не Академіи наслѣдникъ». Съ назначеніемъ въ президенты графа Разумовскаго блеснула для Академіи надежда на лучшую будущность. Это былъ вельможа добродушный и имѣвшій большое значеніе при Дворѣ. Къ сожалѣнію, при нѣкоторомъ свѣтскомъ внѣшнемъ образованіи, полученномъ имъ подъ руководствомъ Теплова, за границею, онъ лишенъ былъ той внутренней образованности, которая побуждаетъ насъ уважать все великое и прекрасное, интересы ума, и слѣд. и науки, ради ихъ самихъ, чего, какъ извѣстно, свѣтское легкое образованіе не даетъ. Вовсе не враждебный, но равнодушный къ предметамъ, занимав-

шимъ Академію, онъ во всемъ, касавшемся до управленія ея, полагался на Теплова, находившагося постоянно при немъ. Но такова уже была видно судьба Академіи въ тѣ дни, что ей надлежало выдержать до конца борьбу за существованіе — и Тепловъ этотъ безспорно одинъ изъ даровитѣйшихъ людей своего времени, съ умомъ достаточно развитымъ и усовершенствованнымъ наукою, не оказывалъ особеннаго радѣнія о пользахъ Академіи. Онъ былъ честолюбивъ и устремлялъ свои виды и попеченіе гораздо дальше скромнаго академическаго поприща. Отъ того ученое общество по прежнему оставалось въ рукахъ не менѣе честолюбиваго Шумахера, который, по невозможности пріобрѣсти значеніе и силу на другомъ болѣе широкомъ поприщѣ, хотѣлъ господствовать въ сферѣ Академіи и съ помощію своего гибкаго, искуснаго въ козняхъ житейскихъ ума, достигъ этого.

Только этотъ періодъ борьбы Академіи съ различными превратностями нашъ покойный академикъ и успѣлъ изобразить въ своей исторіи. Во второмъ томѣ, какъ мы сказали, событія доведены имъ до восшествія на престолъ Екатерины II, царствованіе которой открыло русскому народу дотолѣ невѣдомые ему пути къ государственному и умственному совершенствованію. Здѣсь и Академіи наукъ предстояла уже новая лучшая участь. Смерть не доставила Пекарскому утѣшеніе привѣтствовать въ своемъ ученомъ трудѣ наступленіе болѣе свѣтлыхъ дня нея дней.

Значительнѣйшая часть втораго тома, какъ упомянуто уже нами, занята біографіями двухъ лицъ — Тредьяковскаго и Ломоносова. Онѣ не только обширностію превосходятъ біографіи другихъ академиковъ, помѣщенныя въ первомъ томѣ, но отличаются и большею полнотою содержанія. Вообще эти лица, какъ и другія въ біографіяхъ нашего автора, не представляются въ такихъ оживленныхъ объективныхъ образахъ, какъ бы желалось. Для этого въ его повѣствованіи прежде всего не достаетъ искусной групировки характеристическихъ подробностей, разсыпанныхъ въ матеріалахъ, какіе находились въ его распоряженіи. И въ жизнеописаніяхъ Тредьяковскаго и Ломо-

носова, не смотря на ярко выдающіяся, хотя и въ разныхъ отношеніяхъ, ихъ физіономическія черты, авторъ видимо заботился не о рисункѣ и картинахъ, а единственно о содержаніи, изъ котораго должны слагаться рисунокъ и картины. За событіями въ жизни своихъ героевъ и ихъ дѣятельностію онъ слѣдитъ, такъ сказать, шагъ за шагомъ въ хронологическомъ порядкѣ, не стараясь о раскрытіи ихъ внутренней связи. Но богатство предлагаемыхъ имъ фактовъ такъ велико и достовѣрность ихъ такъ обслѣдована и доказана, что читателю, повидимому, уже не трудно будетъ самому если не возсоздать эти лица художественно, что́ не всякому доступно, то составить понятіе о ихъ жизни, дѣятельности и судьбѣ болѣе точное и вѣрное, чѣмъ можно было сдѣлать это доселѣ, основываясь на многочисленныхъ, но все таки не полныхъ и отрывочныхъ, а главное не вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ. Преимущественно вниманіе наше должно быть обращено на жизнеописаніе Ломоносова, не потому однако, чтобы жизнеописаніе Тредьяковскаго не заключало въ себѣ много любопытнаго въ изображеніи его необъятнаго трудолюбія, его ученыхъ заслугъ и его горькихъ неудачъ въ поэзіи, жизни, судьбѣ, его вѣчныхъ страданій, претерпѣнныхъ имъ отъ его литературныхъ и ученыхъ собратій, а болѣе всего отъ нравовъ времени, когда могъ быть возможенъ такой звѣрскій съ нимъ поступокъ, какъ поступокъ Волынскаго. Но весьма естественно, что взоры наши обращены на Ломоносова, этого перваго дѣятеля и геніальнаго вождя русской мысли, родоначальника нашего научнаго образованія и языка,—человѣка, надъ которымъ носился духъ Петра Великаго, какъ бы влившій въ него часть своихъ силъ для совершенія подвига, въ своемъ родѣ, требовавшаго петровской непреклонной воли, энергіи, широты воззрѣній и патріотическаго самоотверженія. Мы должны быть благодарны нашему историку за правдивое разсмотрѣніе съ разныхъ сторонъ жизни, трудовъ и характера Ломоносова. Онъ не подбиралъ фактовъ съ какою нибудь предвзятою идеею. Ломоносовъ является у него не въ одномъ блескѣ своихъ заслугъ и славы, какъ будто вопреки всѣмъ зако-

намъ человѣческаго развитія, онѣ были плодомъ одного непрерывнаго вдохновенія, или какой-то систематически предначертанной програмы. Жизнь не движется по прямымъ и ровнымъ плоскостямъ. Недаромъ эстетики волнистую линію считаютъ линіей красоты. Это потому, что она есть вмѣстѣ и линія жизни. Авторъ изучалъ самые, такъ сказать, процесы, которыми вырабатывались умственное, нравственное и общественное значеніе знаменитаго человѣка. Тутъ были и тревоги жизни, и враждебныя столкновенія съ людьми, и психологическія противорѣчія страстей и ошибки,—все, что искушаетъ человѣческую рѣшимость на прекрасное и доблестное. И между тѣмъ это прекрасное и доблестное изъ мутныхъ треволненій житейскихъ все явственнѣе выступаетъ передъ нами и слагается, наконецъ, въ лице Ломоносова, въ одинъ величественный образъ, не нуждающійся въ преувеличенныхъ прикрасахъ и тѣмъ болѣе возбуждающій уваженіе потомства, чѣмъ онъ ближе къ дѣйствительности и истинѣ. Въ изображеніи научныхъ трудовъ Ломоносова по предметамъ, о которыхъ Пекарскій не считалъ себя вправѣ произносить свое сужденіе, онъ обращался къ мнѣніямъ спеціалистовъ, особенно къ мнѣнію нашего маститаго, достопочтеннаго академика Дмитрія Матвѣевича Перевощикова. Изъ представленныхъ нашимъ историкомъ свѣдѣній и ссылокъ на авторитетъ этихъ ученыхъ становится очевиднымъ, что Ломоносовъ стоялъ нетолько на высотѣ современныхъ ему знаній, но въ нѣсколькихъ случаяхъ былъ на пути къ важнымъ открытіямъ. Нѣкоторыя изъ его геніальныхъ предположеній нашли себѣ оправданіе въ научныхъ изысканіяхъ нашего времени. Можно развѣ пожалѣть объ одномъ, что въ жизнеописаніи Ломоносова недостаточно обращено вниманіе на тѣ данныя, которыя непосредственно относились къ изящной словесности и образованію нашего литературнаго языка. Вообще изысканія историка нашего о Ломоносовѣ строго-научнымъ образомъ подтверждаютъ только то убѣжденіе о его высокомъ значеніи въ исторіи нашего образованія, какое господствуетъ и будетъ вѣчно господствовать во всѣхъ мыслящихъ умахъ нашего отечества. Мы не можемъ

не привести здѣсь прекрасныхъ словъ Пекарскаго о Ломоносовѣ—словъ, послѣднихъ въ его книгѣ и, къ несчастію, послѣднихъ для насъ въ его жизни: «Онъ», говоритъ авторъ, «всегда стремился къ самостоятельности въ изысканіяхъ; не выдавалъ чужихъ мыслей за свои; наконецъ не останавливался ни передъ препятствіями, ни передъ трудностями для достиженія разъ предположенной цѣли и настойчиво, честно, смѣло шелъ впередъ для достиженія ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горячо любилъ Россію; ему дороги были успѣхи русскихъ и на поприщѣ просвѣщенія, такъ какъ въ этихъ успѣхахъ онъ справедливо видѣлъ залоги будущаго величія и славы родины».

Мы считали бы очеркъ нашъ о почившемъ нашемъ достойномъ сочленѣ неполнымъ, если бы не коснулись хоть въ нѣсколькихъ словахъ его нравственнаго характера. Есть одно нравственное качество, не поражающее своимъ преимущественнымъ блескомъ, но всѣми досточтимое и обязательное для человѣка во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ призваніяхъ, какія только укажутъ ему судьба и общество, облагороживающее и возвышающее всѣ проявленія его духа—будетъ ли это мысль, слово или дѣло. Качество это есть честность. Оно въ тѣснѣйшей родственной связи съ чувствомъ долга. Быть честнымъ значитъ быть вѣрнымъ своему долгу повсюду и всегда. Долгъ ученаго можетъ быть выраженъ двумя словами: трудиться для истины. И этотъ долгъ Пекарскій, какъ ученый, выполнилъ свято и неукоризненно. Мы были свидѣтелями его рѣдкаго трудолюбія, его постояннаго стремленія къ истинѣ во всѣхъ научныхъ изысканіяхъ. Кругъ его научной дѣятельности имѣлъ свои опредѣленныя границы; онъ довольствовался имъ, не усиливаясь надъ нимъ возвыситься, чтобъ въ другой болѣе обширной сферѣ пріобрѣсти значеніе, права на которое могли бы быть оспориваемы. Онъ былъ слишкомъ серьознаго образа мыслей о трудахъ умственныхъ, чтобы добиваться шумной извѣстности, пріобрѣтаемой столь часто подлаживаніемъ подъ тѣ или другія ходячія идеи, имѣющія вѣсъ только въ глазахъ маломысленной и малообразованной толпы. Онъ желалъ одобренія,

но одобренія людей строгой мысли и науки, и это одобреніе ему воздавали охотно, потому что онъ его заслуживалъ. Мы имѣли въ немъ товарища, съ которымъ сближали насъ, кромѣ однородности трудовъ, прекрасныя качества его сердца. Несмотря на различіе его во взглядахъ по нѣкоторымъ научнымъ вопросамъ со взглядами другихъ, онъ не былъ одержимъ духомъ нетерпимости, столь часто разъединяющимъ людей, призванныхъ служить одному и тому же великому дѣлу мысли и истины. Если слѣды существованія Пекарскаго останутся въ исторіи литературы между наиболѣе полезными трудами другихъ дѣятелей отечественной науки, то нравственный его образъ съ его любезными, кроткими и человѣчественными чертами сохранится на всегда въ памяти всѣхъ, лично его знавшихъ.

В. И. Даль скончался въ Москвѣ, сентября 22-го. Бываютъ люди, одаренные столь счастливыми умственными способностями, что они успѣваютъ сродниться со всякимъ родомъ дѣятельности, съ которымъ судьба или обстоятельства ставятъ ихъ въ соприкосновеніе. Для нихъ, по видимому, не существуетъ того, что на житейскомъ языкѣ называется: *быть озадаченнымъ* въ случаяхъ новыхъ и неожиданныхъ, требующихъ отъ всякаго другаго продолжительныхъ приготовленій. Свободно, почти безъ всякихъ усилій они умѣютъ всегда удачно разрѣшать затрудненія дѣла, какъ бы оно ни было противуположно предъидущимъ или обычнымъ ихъ занятіямъ. И это не должно смѣшивать съ тою, на все податливою гибкостію свойствъ, которая довольствуется поверхностнымъ, легкимъ знакомствомъ съ вещами тамъ, гдѣ она ожидаетъ себѣ пользы, удовольствія или удовлетворенія своему суетному тщеславію. Нѣтъ! это искреннее, полное расположеніе честно разрѣшить принятую на себя задачу и возможность разрѣшить ее также успѣшно, какъ и честно. Не безъ основанія думаютъ, что столь благосклонно одаренныя природою человѣческія существа произвели бы нѣчто великое, если бы сосредоточили свои силы въ одномъ опредѣленномъ трудѣ. Однако и подобная многосторонность, если не въ состояніи возвыситься до степени геніаль-

ности, то все же она составляетъ чрезвычайно замѣчательное явленіе въ человѣческой природѣ. Къ личностямъ, отличающимся этимъ характеромъ умственныхъ силъ, принадлежалъ почетный членъ нашей Академіи В. И. Даль, одинъ изъ даровитѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей русскихъ въ области знанія.

Подробное жизнеописаніе Даля представило бы много замѣчательныхъ примѣровъ разнообразія въ его дѣятельности—какъ медика, естествоиспытателя, этнографа, лингвиста, администратора, наконецъ, какъ писателя, успѣшно подвигавшагося на поприщѣ изящной литературы. Для насъ собственно важны труды его по части языкознанія и словесности.

В. И. Даль родился въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1801 года въ Екатеринославской губерніи въ Лугани, гдѣ отецъ его служилъ докторомъ при литейномъ заводѣ. Имя Лугани перешло потомъ въ псевдонимъ Даля, называвшаго себя въ разныхъ литературныхъ своихъ произведеніяхъ казакомъ Луганскимъ. Образованіе свое получилъ онъ въ С.-Петербургѣ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда 1819 г. выпущенъ мичманомъ на службу въ черноморскій флотъ, главное управленіе котораго находилось въ Николаевѣ. Здѣсь онъ пробылъ недолго; недоразумѣнія, возникшія между имъ и начальствомъ, побудили его перейти въ балтійскій флотъ. Черезъ два года онъ и совсѣмъ оставилъ морскую службу, рѣшась посвятить себя медицинѣ. Онъ отправился въ Дерптъ, выслушалъ въ тамошнемъ университетѣ курсъ этой науки въ сотовариществѣ съ Иноземцевымъ и Пироговымъ, и получилъ степень доктора. Въ званіи врача онъ участвовалъ въ турецкомъ и польскомъ походахъ, неутомимо занимаясь операціями. Въ послѣднемъ ему удалось оказать войскамъ нашимъ неожиданную услугу, вовсе не входившую въ кругъ его медицинскихъ обязанностей. Одному изъ отрядовъ арміи надлежало переправиться черезъ Вислу, между тѣмъ при немъ не находилось ни одного знающаго лица, способнаго навести мостъ. За это дѣло взялся Даль, исполнилъ его съ полнымъ успѣхомъ и такимъ образомъ далъ отряду возможность совершить движеніе весьма важное по стра-

тегическимъ соображеніямъ. — Съ окончаніемъ войны, Даль поступилъ ординаторомъ въ петербургскій военный госпиталь. Но вскорѣ онъ убѣдился, что медицина представляетъ множество неразрѣшимыхъ ни теоріей ни практикою проблемъ, и потому не желая оставаться на столь шаткой, по его мнѣнію, почвѣ, онъ рѣшился просить увольненія отъ медицинской службы, и получилъ его. Слѣдуя новому призыву многообъемлющей своей натуры, онъ обратился затѣмъ къ литературѣ. Первый опытъ его на этомъ поприщѣ показывалъ уже стремленіе его къ народности, не оставлявшее его потомъ во всю жизнь. Это было пять сказокъ, написанныхъ имъ въ простонародномъ духѣ и изданныхъ 1832 года. Опытъ этотъ сопровождался для него прискорбнымъ событіемъ. Книжка его, или лучше сказать, нѣсколько фразъ были истолкованы какъ неблагонамѣренныя и вредныя; сочиненіе было запрещено, а авторъ подвергнутъ аресту. Къ счастію, литература наша имѣла тогда такого просвѣщеннаго, благороднаго и сильнаго представителя и защитника, какъ Жуковскій. Онъ разъяснилъ опальныя фразы въ смыслѣ, незаключавшемъ въ себѣ ничего злонамѣреннаго, и достигъ того, что происшествіе это не имѣло для автора никакихъ дальнѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій. Оно не остановило и литературной его дѣятельности, плодомъ которой было постоянно появлявшіеся въ періодическихъ нашихъ изданіяхъ его повѣсти и разсказы. Съ 1833 года Даль находился на службѣ при начальникѣ Оренбургскаго края Перовскомъ, и здѣсь обнаружились его блестящія способности по административной части. Искуствомъ своимъ и ревностію въ дѣлопроизводствѣ онъ вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ начальника умнаго и просвѣщеннаго. При немъ постоянно находился онъ въ теченіе семи лѣтъ и участвовалъ въ извѣстномъ Хивинскомъ походѣ; разныя любопытныя подробности этого похода, сопряженнаго съ необыкновенными трудностями, прекрасно описаны имъ въ его письмахъ къ роднымъ и друзьямъ, напечатанныхъ въ 1867 году въ Русскомъ Архивѣ. Репутація Даля, какъ отличнаго чиновника, внушила бывшему министру внутреннихъ

дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому мысль воспользоваться его дарованіями; по его приглашенію, въ 1841 году Даль занялъ при немъ, съ званіемъ чиновника особыхъ порученій, мѣсто правителя состоявшей при министрѣ канцеляріи. Левъ Алексѣевичъ Перовскій, одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей въ царствованіе императора Николая Павловича, съ умомъ и образованіемъ, достойными его высокаго поста, соединялъ строгую точность и быстроту въ отправленіи дѣлъ и требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ. Въ продолженіе восьми лѣтъ, находясь неотлучно при немъ, Даль буквально почти каждый день долженъ былъ держать, такъ сказать, на готовѣ и умъ и перо свое для немедленной обработки идей министра. Къ счастію, министръ этотъ былъ способенъ оцѣнить и умъ и перо и трудъ приближеннаго къ себѣ лица и полнымъ къ нему своимъ довѣріемъ въ дѣлахъ важныхъ облегчать для него тяготу его положенія. За всѣмъ тѣмъ Далю наконецъ нуженъ былъ нѣкоторый отдыхъ, и онъ пожелалъ перейти на службу, не требующую ежедневно такихъ напряженныхъ усилій, какія доселѣ соединены были съ его должностію. Онъ былъ опредѣленъ управляющимъ удѣльною конторою въ Нижнемъ Новгородѣ. Здѣсь онъ пробылъ десять лѣтъ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ 1859 года совсѣмъ оставилъ службу и переселился въ Москву, гдѣ и скончался въ сентябрѣ текущаго года.

Если измѣрять службу обществу одною оффиціальною дѣятельностію, то Даль и здѣсь уже заплатилъ ему достаточную дань неутомимымъ своимъ трудолюбіемъ, знаніемъ дѣлъ, честнымъ и успѣшнымъ исполненіемъ многихъ важныхъ порученій начальства. Но есть другая служба отечеству, богатая самыми плодотворными послѣдствіями — это служба умственному преуспѣянію согражданъ въ сферѣ словесности и науки. Здѣсь Даль является дѣятелемъ, котораго заслуги не перестанутъ возбуждать уваженіе и благодарность всѣхъ, кому дорого наше просвѣщеніе. Никогда посреди тревогъ войны, среди невыгодъ житейскихъ, при отправленіи оффиціальныхъ обязанностей, ни-

когда не переставала одушевлять его любовь къ возвышенному труду мысли и знанія. Можно сказать, что этотъ трудъ былъ для него отдохновеніемъ отъ другихъ утомительныхъ занятій. Такъ, состоя при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и исполняя ежедневно его порученія, онъ находилъ еще время дѣятельно участвовать въ трудахъ Географическаго общества и составлять учебники для военно-учебныхъ заведеній по зоологіи и ботаникѣ. Тогда и впослѣдствіи онъ постоянно помѣщалъ свои разсказы и повѣсти въ періодическихъ изданіяхъ, дорожившихъ честію украсить свои страницы его именемъ. Повѣсти эти и разсказы не отличались ни творчествомъ, ни художственною обработкою; но въ нихъ выражалось такъ много наблюдательности нравовъ, умѣнья развивать ткань событій, большею частію взятыхъ изъ простаго русскаго быта, столько добродушнаго юмора, и наконецъ, они были писаны такимъ чистымъ, легкимъ и оживленнымъ языкомъ, что публика всегда относилась къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ. И конечно можно сожалѣть, что Даль, увлекаемый потокомъ житейскихъ волнъ, а можетъ быть и особеннымъ настроеніемъ своего духа, не могъ всецѣло отдаться искуству и наукѣ. Но не бывъ спеціалистомъ въ техническомъ и научномъ смыслѣ, онъ однако былъ имъ по своему направленію. Направленіе это проистекало изъ возвышеннаго воззрѣнія на судьбы народа, котораго онъ былъ, не смотря на свое иностранное имя, вѣрнѣйшимъ сыномъ, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ, энтузіастомъ въ своей любви къ нему. Даль смотрѣлъ на нашу послѣ-Петровскую жизнь, какъ на пріуготовленіе къ великой исторической роли, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма естественно былъ убѣжденъ, что роль эту мы можемъ выполнять достойнымъ образомъ неиначе, какъ опираясь не на физическую мощь, которая сама по себѣ составляетъ мертвый капиталъ, призванный служить разуму, но на свои умственныя и нравственныя силы, лежащія въ глубинѣ нашей народности, въ первообразныхъ ея стихіяхъ. Чтобы уяснить себѣ въ точности эти стихіи, онъ старался, устраняя всѣ отвлеченныя умозрѣнія, изучить ихъ въ раз-

нообразныхъ явленіяхъ народнаго быта. Во время своихъ частыхъ странствованій по Россіи, онъ искалъ вездѣ сближенія съ народомъ, вслушивался въ его рѣчь, въ его любимыя поговорки, наблюдалъ нравы, обычаи, повѣрья его; онъ старался сродниться съ ними душею, прочувствовать его радости, печали и надежды. Одаренный рѣдкою проницательностію, онъ открывалъ многознаменательный смыслъ и глубоко затаенное чувство въ мѣткомъ словѣ, въ простомъ безъискуственномъ оборотѣ рѣчи или ея ритмѣ. Такимъ образомъ онъ составилъ и издалъ Сборникъ народныхъ пословицъ, заимствуя ихъ прямо изъ устъ народа и передавая для общаго свѣдѣнія, такъ сказать теплыми и животрепещущими. Въ извѣстномъ сборникѣ Кирѣевскаго есть много пѣсенъ, доставленныхъ Далемъ и списанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, и подобнымъ же способомъ добытыя сказки сообщилъ покойному Афанасьеву. Не многіе изъ нашихъ изыскателей обладали такимъ огромнымъ запасомъ свѣдѣній о русскомъ бытѣ, какъ Даль. У него между прочимъ было едвали не единственное по своему обилію собраніе лубочныхъ картинокъ, которыхъ теперь и найти нигдѣ нельзя, такъ какъ онѣ изъяты изъ употребленія. Какъ ботаникъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного растенія, какъ бы оно ни было на видъ непривлекательно, потому что и оно все-таки твореніе изучаемой имъ природы; такъ и занимающійся изученіемъ народнаго міросозерцанія, въ самомъ сыромъ и грубомъ его продуктѣ видитъ любопытный предметъ для своихъ соображеній. Но главнымъ, любимымъ предметомъ наблюденій и изысканій Даля былъ Русскій языкъ. Въ своемъ сужденіи о немъ онъ исходилъ изъ того справедливаго понятія, что языкъ народа, какимъ онъ является на всемъ пространствѣ нашего обширнаго царства, есть прямое, высокое и самобытное созданіе его творческаго духа и что онъ долженъ быть главнымъ основаніемъ для выраженія нашей мысли во всякомъ ея движеніи, въ ея историческомъ и прогрессивномъ развитіи. Изъ этого естественно проистекаетъ, что литературный языкъ, или языкъ художественный, образующійся впослѣдствіи, долженъ находиться въ непрерывной

непосредственной связи съ языкомъ всенароднымъ и изъ него черпать живыя освѣжающія силы. Даль однако не этого одного хотѣлъ; благоговѣніе свое къ послѣднему онъ простиралъ до нѣкотораго рода суевѣрія. Литературный языкъ нашъ онъ считалъ порчею чистой русской рѣчи и желалъ, чтобы мы въ литературѣ и даже въ наукѣ выражались словами и оборотами, употребляемыми простымъ народомъ. Нашъ даровитый лингвистъ забывалъ, что литература не есть что либо произвольно выдуманное. Усвоивая себѣ идеи высшаго умственнаго и эстетическаго настроенія и съ тѣмъ вмѣстѣ и извѣстную обработку рѣчи, отличную отъ языка обыденнаго, но не противную духу одного и того же отечественнаго языка и его основнымъ началамъ, литература только исполняетъ законъ развитія народной мысли, которая, переходя отъ одной степени образованія къ другой, не можетъ оставаться и при однѣхъ и тѣхъ же формахъ выраженія. Поэтому Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Крыловъ, истинные образователи нашего литературнаго языка, никакъ не могутъ быть обвиняемы въ томъ, что они портили языкъ, а напротивъ они пріобрѣли неотъемлемое право на нашу благадарность тѣмъ, что его совершенствовали и раскрывали дотолѣ невѣдомыя его богатства. Да и самъ реформаторъ, изъявлявшій свое неудовольствіе противъ установившагося въ нашей литературѣ художественнаго способа выраженія, писалъ свои протесты, и прибавимъ, писалъ очень хорошо, на томъ же самомъ языкѣ, который осуждалъ. Такъ то вѣрно, что всякая, даже весьма благовидная теорія, расходящаяся съ дѣйствительностію и практикою жизни, не выдерживаетъ напора вещей и сама собою падаетъ. Очевидно Даль увлекался, но онъ увлекался какъ многіе даровитые люди, прельщаемые красотою любимой своей идеи до того, что изъ за нее не видятъ крайностей и ошибокъ, къ которымъ она подаетъ поводъ. Но нѣкоторые невѣрные взгляды на языкъ не помѣшали Далю совершить во имя его подвигъ, достойный занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ отечественной науки. Я разумѣю со-

ставленный имъ *словарь*. Къ труду этому онъ приготовлялся съ первыхъ лѣтъ своей юности, начавъ еще тогда записывать разныя слова, слышанныя имъ въ народѣ; онъ продолжалъ это потомъ въ теченіе всей своей жизни, и только не за долго до кончины успѣлъ довершить свое огромное предпріятіе; оно впрочемъ и не могло быть дѣломъ немногихъ лѣтъ. Если разсматривать словарь Даля со строгой, научной точки зрѣнія, то въ немъ конечно можно найти нѣкоторые и не незначительные недостатки, каковы: недостатокъ системы и послѣдовательности въ планѣ, не всегда точныя опредѣленія словъ, особенно занесеніе въ словарь иныхъ словъ, которыя лексикографъ единственно по своему усмотрѣнію считалъ способными занять мѣсто между словами уже вошедшими въ составъ языка и т. п. Но кромѣ извиненія, находимаго въ общемъ несовершенствѣ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, не должно забывать, что составитель словаря не былъ научнымъ образомъ приготовленъ къ филологическимъ и лингвистическимъ работамъ, что все имъ созданное должно приписать исключительно его собственной необыкновенной проницательности, его цѣною почти всей жизни пріобрѣтенной опытности и знанію народнаго языка во всей его обширности и глубинѣ. И во всякомъ случаѣ его словарь будетъ всегда представлять собою достойное хранилище лексикальнаго богатства нашего современнаго языка и вмѣстѣ служить великимъ пособіемъ для послѣдующихъ работъ подобнаго рода. Мы не имѣемъ здѣсь достаточно времени распространяться далѣе въ оцѣнкѣ этого произведенія; да если бы и имѣли, то нашъ трудъ былъ бы излишнимъ послѣ подробнаго, полнаго и обстоятельнаго разбора, сдѣланнаго нашимъ ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ по поводу присужденія Далю Ломоносовской преміи и напечатаннаго въ академическихъ Запискахъ. Прибавимъ ко всему нами сказанному, что лексикографъ нашъ внесъ въ свой словарь и названія, относящіяся къ ботаникѣ и зоологіи. Названія эти были разсмотрѣны и провѣрены по ботаникѣ покойнымъ академикомъ Рупрехтомъ и по зоологіи академикомъ Леопольдомъ Ивановичемъ Шренкомъ. Изъ отзывовъ

ихъ оказывается, что ботаническія названія исчислены и опредѣлены весьма удовлетворительно, зоологическія же нуждаются въ дополненіяхъ и исправленіяхъ, однако все-таки составляютъ важный матеріалъ въ научномъ отношеніи, и при новомъ изданіи и эта часть книги была бы авторомъ безъ сомнѣнія легко усовершенствована.

Съ тѣхъ поръ, какъ изученіе родственныхъ намъ славянскихъ племенъ, ихъ исторіи и нарѣчій сдѣлалось потребностію русской науки и русской мысли, у насъ явилось нѣсколько достойныхъ дѣятелей по этой отрасли знанія, и между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, безспорно, принадлежитъ столь рано и неожиданно похищенному у насъ смертію А. Ѳ. Гильфердингу. Вся жизнь его была однимъ прекраснымъ подвигомъ, посвященнымъ благороднѣйшимъ цѣлямъ и потребностямъ общества. Онъ родился въ іюлѣ 1831 года. Окончательное образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. Съ самой юности наука представлялась ему достойнѣйшею задачею жизни, и въ ея сферѣ славянскій міръ вскорѣ сдѣлался главнымъ предметомъ его изученія. Опредѣлясь на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, онъ съ радостію принялъ въ 1855 году предложенное ему мѣсто консула въ Босніи: мѣсто это открывало ему путь къ личному знакомству съ славянскими племенами. Тамъ провелъ онъ три года и приготовлялъ запасъ обширныхъ свѣдѣній объ исторіи, нравахъ, нарѣчіяхъ славянъ, почерпая ихъ въ прямыхъ и непосредственныхъ источникахъ. Совершенное имъ послѣ того новое путешествіе по славянскимъ землямъ увеличило еще болѣе этотъ запасъ, и, главное, дало ему способъ ближайшими изслѣдованіями на мѣстѣ и личнымъ наблюденіемъ изучить и провѣрить то, о чемъ могъ онъ знать только изъ книгъ. Плоды своего изученія и наблюденій онъ, по возвращеніи въ отечество, передавалъ въ сочиненіяхъ, доставившихъ ему громкую извѣстность у насъ и у славянъ. Мы не можемъ здѣсь входить ни въ подробное исчисленіе ихъ, ни въ ихъ характеристику, и

упомянемъ только о тѣхъ, которыя наиболѣе обратили на себя вниманіе ученыхъ и всѣхъ мыслящихъ людей и составляютъ существенное пріобрѣтеніе для науки. Къ нимъ принадлежатъ: *Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ, 1855—1859 годовъ*, заключающія въ себѣ драгоцѣнныя и новыя изслѣдованія о судьбахъ этихъ племенъ въ древнѣйшее время; впослѣдствіи къ нимъ присоединено обозрѣніе славянскихъ населеній въ Эпирѣ, Эладѣ и Пиреѣ, богатое историческими данными. Потомъ онъ издалъ исторію Балтійскихъ славянъ и занимался разработкою вообще славянскихъ древностей, гдѣ глубокое знаніе соединяется съ необыкновенною проницательностію въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ славянской исторіи и народности. Кромѣ того въ періодическихъ изданіяхъ постоянно появлялись отдѣльныя статьи Гильфердинга о разныхъ предметахъ по части исторіи, археологіи и современнаго состоянія славянъ, и каждая изъ этихъ статей достойна занять мѣсто между лучшими научными и публицистическими произведеніями. Нѣкоторыя воззрѣнія Гильфердинга вообще на славянскій міръ могутъ быть и были оспориваемы людьми, непринадлежащими къ извѣстной школѣ славянистовъ; оцѣнка его мнѣній и мнѣній его антагонистовъ до насъ не касается, мы обращаемъ только вниманіе на научный характеръ его произведеній. Достоинство ихъ, въ этомъ отношеніи, не можетъ быть оспориваемо даже тѣми, которые не согласны съ личными убѣжденіями автора. Говоря о научныхъ достоинствахъ сочиненій покойнаго ученаго, нельзя не обратить вниманія на литературную ихъ сторону, на ихъ изложеніе. Одно изъ замѣчательныхъ качествъ ихъ и въ этомъ отношеніи, это не только ясность, простота, но и живость выраженія, доказывающая, что обширная ученость автора не исключала въ немъ чувства изящнаго.

Послѣдніе труды Гильфердинга были посвящены разработкѣ и объясненію нашего народнаго эпоса, остатки котораго уцѣлѣли на дальнемъ сѣверѣ Россіи, въ Олонецкой губерніи. Мы имѣемъ уже собраніе этихъ драгоцѣнныхъ проявленій народнаго поэтическаго творчества въ превосходномъ изданіи г. Рыбникова,

познакомившаго насъ впервые съ нимъ. Но здѣсь, какъ и въ изслѣдованіяхъ о славянахъ, Гильфердингъ рѣшился лично на мѣстѣ изучить памятники нашей старины, и, если можно, пополнить ихъ новыми открытіями. Дорого стоило это прекрасное намѣреніе его виновнику и русской наукѣ. Онъ устремился съ жаромъ и кажется безъ надлежащихъ о своемъ здоровьи предосторожностей, за новой добычей для науки — и на этомъ пути постигла его нежданная смерть въ полной силѣ возраста и его дарованій, вдали отъ друзей и родныхъ. О немъ можно сказать, что онъ былъ вѣренъ до конца одному изъ тѣхъ человѣческихъ призваній, о высокомъ достоинствѣ которыхъ сомнѣваться нельзя— это призваніе — служить истинѣ.

Послѣднее слово наше принадлежитъ воспоминанію о достопочтенномъ нашемъ членѣ-кореспондентѣ Капитонѣ Ивановичѣ Невоструевѣ. Къ сожалѣнію, въ краткій промежутокъ времени отъ его кончины до сего дня, мы не успѣли собрать достаточныхъ свѣдѣній о его жизни, чтобы ими подѣлиться съ вами, мм. гг., и потому мы должны ограничиться однимъ указаніемъ на важнѣйшій изъ трудовъ его, поставившій его на ряду съ извѣстнѣйшими изъ нашихъ ученыхъ — это *Описаніе рукописей, хранящихся въ Московской синодальной библіотекѣ*. Академія оцѣнила достойнымъ образомъ, этотъ трудъ, увѣнчавъ его Ломоносовской преміей. Слово *Описаніе* не даетъ точнаго понятія о значеніи сочиненія. Можно подумать, что это простое исчисленіе сокровищъ, заключающихся въ синодальной библіотекѣ. У насъ есть нѣсколько описаній книгъ и рукописей, находящихся въ другихъ книгохранилищахъ, и они дѣйствительно составляютъ не болѣе того, что содержится въ обыкновенныхъ каталогахъ. Но не таковъ трудъ покойнаго Невоструева. Многія рукописи, означенныя здѣсь, служили ему какъ бы темою для обширныхъ трактатовъ, въ которыхъ онъ аналитически и критически изслѣдуетъ не только составъ рукописи, но ея историческія, литературныя и филологическія данныя. Незнакомому съ подобнымъ трудомъ нельзя и пред-

ставить себѣ, сколько для этого нужно продолжительныхъ, упорныхъ изысканій и обширной учености. Здѣсь специалистъ по части археологіи, исторіи литературы и исторіи языка найдетъ указанія и соображенія, которыя послужать ему необходимымъ и драгоцѣннымъ пособіемъ въ его трудахъ. Такихъ глубоко-научныхъ изданій у насъ только два — Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, составленное знаменитымъ покойнымъ нашимъ академикомъ Востоковымъ, и то, о которомъ мы теперь говоримъ. Неудивительно послѣ этого, что имя Невоструева пользовалось такимъ почетомъ и уваженіемъ какъ въ кругу нашихъ ученыхъ вообще, такъ и въ стѣнахъ этой Академіи.

Имена лицъ, о дѣятельности которыхъ я имѣлъ честь сообщить вамъ немногія свѣдѣнія, не будутъ забыты въ средѣ нашей. Но мы полагаемъ, что они не будутъ забыты и всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ. Пусть люди равнодушные къ успѣхамъ науки и литературы, имъ несочувствующіе, видятъ, что общество наше уже на столько просвѣщенно и здравомысляще, что готово всегда воздать подобающую дань уваженія заслугамъ, возвышающимъ умственное и нравственное достоинство націи.

Занятія членовъ II отдѣленія въ истекающемъ году, какъ и въ предъидущихъ, заключались въ изслѣдованіяхъ по разнымъ вопросамъ, относящимся къ отечественному языку, словесности и ихъ исторіи. Такимъ образомъ ординарный академикъ И. И. Срезневскій продолжалъ свои работы по разбору древнихъ памятниковъ письма, языка и быта, и дѣлалъ при этомъ ихъ отдѣльныя описанія, гдѣ можно сравнительныя, по разнымъ спискамъ, или же, если разсматриваемые памятники суть переводы и если подлинникъ извѣстенъ, то и сравнительныя съ подлинникомъ, пользуясь разсматриваемыми памятниками и для словаря. По мѣрѣ изготовленія эти описанія печатались съ приложеніемъ выписокъ или и цѣлаго подлинника, если онъ стоилъ того по древности или по исторической важности. Въ начатой имъ второй книгѣ *Свѣдѣ-*

ній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ напечатано уже имъ такихъ статей 14-ть (XL—LIV), гдѣ, между прочимъ, дано мѣсто нѣкоторымъ доселѣ неизвѣстнымъ памятникамъ XI и XII вѣка, нѣкоторымъ древнимъ спискамъ кормчей книги, и нѣсколькимъ записямъ и грамотамъ XIII—XV вѣка.

Кромѣ того имъ почти изготовлено къ печати описаніе древняго перевода Пандектъ Никона Черногорца по Ярославскому списку XII вѣка, Синодальному XIII вѣка и Чудовскому XIV вѣка. Разсмотрѣвъ содержаніе пандектъ и описавъ каждый изъ списковъ древняго перевода, академикъ обратилъ вниманіе на языкъ этого перевода и между прочимъ на то, что многія слова одинаково употребленныя во всѣхъ трехъ спискахъ перевода, суть русскія или по выговору и вмѣстѣ по смыслу, или по значенію въ народномъ древне-русскомъ быту, каковы напр. счетъ цѣнностей веверицами, векшами и рѣзанями, счетъ пространства верстами и т. п. Такимъ образомъ древній переводъ произведенія Никона Черногорца представляется важнымъ не только по содержанію, но и по рѣшенію вопроса о мѣрѣ участія Русскихъ людей древняго времени въ трудахъ литературныхъ, съ допущеніемъ особенностей ихъ роднаго нарѣчія, вопроса, непосредственно относящагося къ замѣткѣ древняго лѣтописца объ исполненіи желанія книголюбиваго Ярослава I-го, и къ нѣкоторымъ другимъ явленіямъ XI—XII вѣка.

Другой трудъ, занимавшій И. И. Срезневскаго въ истекающемъ году, котораго продолженіе вызвано было порученіемъ Академіи дать отзывъ объ изслѣдованіи покойнаго Невоструева, поданномъ на Уваровскій конкурсъ, касался древняго перевода произведеній, приписываемыхъ Ипполиту, отцу церкви III вѣка. Невоструевъ въ своемъ изслѣдованіи разсмотрѣлъ древній славянскій переводъ только одного изъ этихъ произведеній, слова объ Антихристѣ. Въ той же Чудовской рукописи XII—XIII вѣка, по которой онъ издалъ это слово, есть часть и другаго Ипполитова произведенія, которое въ другихъ рукописяхъ сохранилось вполнѣ, и заключаетъ въ себѣ полное толкованіе книги пророка Даніила. Сличеніе его съ тѣмъ, что найдено въ

греческихъ рукописяхъ приводитъ къ заключенію, что славянскій переводъ его важенъ не только какъ памятникъ славянскаго языка и труда, но и какъ источникъ для изученія Ипполитовскихъ произведеній; въ славянскомъ переводѣ сохранилось все произведеніе вполнѣ, а въ греческомъ подлинникѣ только выписки и извлеченія, недающія яснаго понятія о составѣ и содержаніи цѣлаго. Часть этого изслѣдованія И. И. Срезневскаго, касающагося и языка перевода, вошла въ записку, представленную имъ о книгѣ Невоструева, теперь уже удостоенной Уваровской награды.

Продолжая печатаніе переписки Востокова, И. И. Срезневскій изготовилъ къ ней объяснительныя примѣчанія, указатели и вводные листы, въ которые вошло обозрѣніе писемъ его и къ нему отъ того времени, когда Востоковъ еще не занимался филологическими работами и когда, хотя уже и началъ ими заниматься, но еще не вступалъ ни съ кѣмъ въ научную переписку. Все это поступило въ печать.

Кромѣ этого И. И. Срезневскимъ представлены были въ засѣданіяхъ отдѣленія заявленія по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, касающихся русской грамматики (объ образованіи сложныхъ словъ, о словахъ на *скій* и *овскій*, о трудностяхъ русскаго правописанія) и о нѣкоторыхъ изъ замѣчательныхъ книгахъ, между прочимъ объ изданіи Краледворской рукописи *г. Некрасовымъ* объ изданіи Шарошпатацкой библіи *г. Малецкимъ*, объ описаніи Хлудовскихъ рукописей *А. Н. Попова,* объ изданіи Номоканона, печатаемаго при большомъ Требникѣ, съ греческимъ подлинникомъ, доселѣ неизвѣстномъ, *А. С. Павлова* и др.

Академикъ Я. К. Гротъ въ первое полугодіе продолжалъ печатаніе VII тома сочиненій Державина, который и былъ выпущенъ въ свѣтъ ко времени празднованія юбилея Петра Великаго. Этимъ томомъ заключается собраніе произведеній знаменитаго нашего поэта. За симъ должна послѣдовать его біографія, которой нѣкоторыя части и обработаны Академикомъ; въ то же время, по порученію Отдѣленія, г. Гротъ приготовилъ къ Петровскому юбилею рѣчь подъ названіемъ: „Петръ Великій какъ про-

свѣтитель Россіи". Рѣчь эта отпечатана, и въ сокращенномъ видѣ была читана въ публичномъ собраніи Академіи въ торжественный день юбилея. Затѣмъ г. Гротъ приступилъ къ печатанію оставшихся послѣ извѣстнаго нашего баснописца Хемницера и доселѣ неизвѣстныхъ бумагъ, переданныхъ въ распоряженіе Отдѣленія И. С. Капнистомъ, а также оканчивалъ печатаніемъ собраніе своихъ филологическихъ статей, къ числу которыхъ принадлежитъ новое его обширное изслѣдованіе *спорныхъ вопросовъ Русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ*. Трактатъ этотъ заключаетъ въ себѣ едва ли не первую строго научную разработку правилъ нашего правописанія, которое, какъ извѣстно, въ настоящее время страдаетъ разными противорѣчіями и произволомъ употребленія, не всегда согласнаго съ основными законами языка. Кромѣ того Академикъ Гротъ, по просьбѣ редакціи издающихся въ Воронежѣ «Филологическихъ Записокъ», принялъ участіе въ составленіи приготовляемаго ею къ печати Сборника Скандинавской поэзіи, въ слѣдствіе чего онъ предоставилъ этой редакціи внести въ свой сборникъ исправленный имъ переводъ свой *Тегнеровой Фритіофъ-саги* и къ этому присоединилъ новый переводъ свой съ Исландскаго подлинника древней саги, послужившей источникомъ для поэмы.

Орд. Академикъ А. Ѳ. Бычковъ разсмотрѣлъ дополненія г. Шейна къ Толковому словарю Даля и представилъ свое заключеніе, что они могутъ быть напечатаны съ устраненіемъ нѣкоторыхъ словъ, которыя оказываются лишними, такъ какъ они были уже въ словарѣ Даля и въ рукописи Шейна получили лишь несущественныя дополнительныя объясненія или только подкрѣплены новыми примѣрами. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Ѳ. Бычковъ въ теченіе года напечаталъ:

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, сличенному со списками: Радзивиловскимъ, Троицкимъ и Академическимъ, хранящимся въ Московской Духовной Академіи. Это изданіе, въ которомъ вѣрно и отчетливо воспроизведенъ древнѣйшій по времени написанія списокъ лѣтописнаго свода Суздальскаго извода, даетъ

теперь возможность правильно судить объ отношеніи Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ она сохранилась въ этомъ сводѣ, къ той же повѣсти, помѣщенной въ спискахъ южнаго извода. Нѣкоторыя болѣе правильныя чтенія текста, приведеніе въ порядокъ разсказа за 6711—14 годы и указаніе на результаты повѣрки хронологическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ Лаврентьевскомъ спискѣ, составляютъ отличія новаго изданія отъ вышедшаго въ свѣтъ въ 1846 году.

2) Въ память графа М. М. Сперанскаго сборникъ, содержащій въ себѣ дневникъ путешествія его по Сибири, письма къ разнымъ лицамъ и нѣкоторыя его сочиненія. Все это снабжено примѣчаніями и объяснительными документами. Это изданіе представляющее много новыхъ данныхъ для жизнеописанія знаменитаго государственнаго мужа, содержитъ въ себѣ нѣсколько важныхъ матеріаловъ и вообще для исторіи императора Александра I.

3) Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Къ этому изданію г. Бычковъ присоединилъ подробное описаніе болѣе 100 рукописей, находящихся въ отечественномъ книгохранилищѣ и содержащихъ матеріалы для исторіи царствованія державнаго преобразователя.

Сверхъ сего подъ его и г. Крыжина редакціею напечатанъ II томъ Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству Православнаго исповѣданія Россійской Имперіи.

Высокопреосвященный Архіепископъ Литовскій Макарій издалъ въ свѣтъ два изслѣдованія свои, одно *о литературныхъ трудахъ Максима Грека*, а другое *о сочиненіяхъ Московскаго Митрополита Даніила*. Имя Максима Грека пріобрѣло въ исторіи нашей духовной литературы громкую извѣстность болѣе потому, что еще задолго до исправленія церковныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ, онъ указывалъ на неисправность въ текстѣ ихъ и несогласія въ разныхъ мѣстахъ съ греческими подлинниками, что, какъ извѣстно, было причиною печальныхъ для него послѣдствій. Максимъ Грекъ написалъ очень много сочиненій богословскаго и

нравственнаго содержанія. Высопреосвященный Макарій критически ихъ разсмотрѣлъ. Вообще онъ отдаетъ достоинствамъ этого замѣчательнаго человѣка вполнѣ заслуженную имъ справедливость, опредѣляя его значеніе въ исторіи нашей духовной литературы слѣдующими словами: „Максимъ Грекъ, говоритъ онъ, внесъ въ нее новый элементъ, прежде въ ней неизвѣстный, элементъ научнаго многосторонняго образованія", и далѣе: „онъ первый явился у насъ съ образованіемъ научнымъ и богатымъ запасомъ свѣдѣній не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ наукахъ, которыя тогда существовали." Обращаясь къ сочиненіямъ Максима, авторъ излагаетъ ихъ содержаніе и направленіе. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій писаны на латинскомъ языкѣ, но большая часть на славяно-русскомъ. Послѣднему Максимъ учился уже въ лѣтахъ позднихъ, по пріѣздѣ своемъ въ Россію, и конечно не рѣдко затруднялся въ правильномъ изложеніи на немъ своихъ мыслей; въ послѣдствіи однако онъ овладѣлъ имъ на столько, что, говоря словами высокопреосвященнаго критика, онъ имѣлъ уже возможность проявить себя во всей полнотѣ своихъ умственныхъ силъ и образованія. Самое видное мѣсто въ произведеніяхъ Максима занимаютъ сочиненія догматико-полемическія, написанныя въ защиту вѣры христіанской-православной противъ иновѣрцевъ и неправославныхъ, а также противъ суевѣрій и апокрифовъ, извѣстныхъ тогда въ Россіи. Есть многія мѣста въ нихъ, изобличающія также неудовлетворительное состояніе тогдашнихъ общественныхъ нравовъ, правдивое осужденіе монастырей, владѣвшихъ значительными имѣніями. Изъ этого видно, что Максимъ Грекъ, не смотря на свой монашескій санъ, принималъ живое участіе въ общественныхъ явленіяхъ и событіяхъ своего времени. Въ заключеніе преосвященный Макарій отличаетъ тѣ изъ сочиненій Максима, которыя заслуживаютъ особенное вниманіе по достоинству изложенія, отъ другихъ, оказывающихся недостаточными въ этомъ отношеніи и слабыми.

Другая монографія высокопреосвященнаго Макарія *о Митрополитѣ Даніилѣ* содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о сочине-

ніяхъ этого святителя и критическій ихъ разборъ. «Въ ряду митрополитовъ собственно Московской митрополіи, говоритъ ученый критикъ, отъ Іоны до Іова или до учрежденія патріаршества, Даніилъ можетъ быть названъ самымъ просвѣщеннымъ, за исключеніемъ одного Макарія». Сочиненія Даніила состоятъ изъ поучительныхъ словъ и посланій къ разнымъ лицамъ и соединены въ одномъ сборникѣ, составленномъ самимъ митрополитомъ. Каждое изъ нихъ раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ извлеченія изъ писаній разныхъ Отцовъ церкви, въ подкрѣпленіе христіанскихъ назиданій, сообщаемыхъ имъ своей паствѣ, и здѣсь обнаруживается обширное знаніе Даніила о дѣлахъ вѣры, почерпнутое имъ въ изученіи священнаго писанія и учителей церкви. Другая половина его есть уже собственно ему принадлежащее обращеніе къ его духовнымъ чадамъ. Независимо отъ внутренняго, религіознаго достоинства этихъ произведеній, они важны и въ историческомъ отношеніи, какъ изображенія направленія умовъ и нравовъ времени. Въ нихъ вездѣ преобладаетъ обличительный характеръ разныхъ современныхъ ему заблужденій въ понятіяхъ о вѣрѣ, и особенно противъ усилившагося тогда разврата и пороковъ въ разныхъ сословіяхъ, при чемъ касается и нѣкоторыхъ практическихъ вопросовъ, занимавшихъ тогда наше общество. Хотя, по замѣчанію высокопреосвященнаго Макарія, уму Даніила недостаетъ строгой, отчетливой логической мыслительности, но ревность его къ распространенію святыхъ истинъ Евангелія и къ нравственному усовершенствованію общества, его живое и сильное слово и рѣдкія по тогдашнему времени познанія о богословскихъ предметахъ, оправдываютъ наименованіе *доктора Христова закона*, данное ему Максимомъ Грекомъ.

Орд. Академикъ М. Погодинъ издалъ: 1) третій томъ собранія своихъ сочиненій, заключающій въ себѣ произнесенныя имъ въ разныхъ случаяхъ рѣчи отъ 1830 до 1872 годъ и 2) Древнюю Русскую исторію, и печаталъ «трагедію Петръ Великій» и сочиненіе подъ заглавіемъ: *Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ*.

*

Избранный въ истекающемъ году въ Ординарные Академики по II Отдѣленію ректоръ Московскаго университета С. М. Соловьевъ, трудясь надъ окончаніемъ своего огромнаго, важнаго для науки и драгоцѣннаго для всѣхъ Русскихъ труда — Исторіи Россіи, успѣлъ написать, прочитать въ Москвѣ и напечатать нѣсколько лекцій о Петрѣ Великомъ во время приготовленій ко дню его юбилея. Мысль оживить въ умахъ передъ днемъ этого высокаго всенароднаго празднества воспоминаніе о всемъ, чѣмъ отечество наше обязано безсмертному обновителю нашей жизни, была прекрасная мысль — и эту мысль авторъ осуществилъ достойнымъ образомъ. Исторіи Петра Великаго еще нѣтъ, небольшая доля ея обработана покойнымъ академикомъ Устряловымъ. Но изъ лекцій С. М. Соловьева можно получить понятіе, утвержденное на достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, какъ о характерѣ Петра Великаго и основныхъ началахъ его реформъ, такъ и о необходимости ихъ, вытекавшей не изъ одной воли преобразователя, но и изъ положенія вещей предшедствовавшаго состоянія государства и духа самаго народа.

Въ заключеніе мы съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что II Отдѣленіе въ нынѣшнемъ году пріобрѣло себѣ еще новаго достойнаго дѣятеля въ лицѣ М. И. Сухомлинова, Высочайше утвержденнаго въ званіи Экстра-Ординарнаго Академика.

ВОСПОМИНАНІЕ О В. И. ДАЛѢ.

(Съ извлеченіями изъ его писемъ.)

Академика Я. К. Грота.

Послѣднія двадцать лѣтъ жизни Даль безвыѣздно провелъ въ Москвѣ и жилъ въ это время противъ Зоологическаго сада въ домѣ бывшемъ Иванова, который онъ сперва нанималъ, а потомъ пріобрѣлъ покупкою. Здѣсь поселился онъ, оставивъ службу (должность управляющаго нижегородской удѣльной конторы), и принялся за исполненіе давнишняго своего желанія, — 60-и лѣтъ отъ роду совершенно посвятить себя окончательной обработкѣ и изданію своего словаря. Здѣсь я съ тѣхъ поръ почти каждое лѣто, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, видѣлъ его, сначала еще бодрымъ и крѣпкимъ, а потомъ быстро дряхлѣющимъ и болѣзненнымъ. Просторная зала съ балкономъ на дворъ служила ему и кабинетомъ; здѣсь онъ работалъ надъ своимъ словаремъ, сидя у стоявшаго поперекъ комнаты большаго письменнаго стола. Съ другой стороны дома, окнами въ садъ, была большая бильярдная, гдѣ онъ послѣ обѣда проводилъ цѣлые часы за любимой своей игрой, въ которой достигъ большаго искуства.

Въ одномъ изъ некрологовъ Даля было сказано, что дворъ этого дома заросъ травою и что ворота его рѣдко отворялись для немногихъ, еще помнившихъ Владиміра Ивановича, друзей его и почитателей. Это замѣчаніе совершенно несправедливо: ворота его дома были напротивъ всегда отворены, и я почти всякій разъ заставалъ у него кого-нибудь то изъ старыхъ его пріятелей, то изъ лицъ, которыя искали знакомства съ уважаемымъ ветераномъ русской литературы. Будучи очень бережливъ и простъ въ своемъ

образѣ жизни, онъ въ то же время былъ всегда гостепріименъ: друзей, приходившихъ къ нему около ранняго обѣденнаго часа его онъ всегда приглашалъ къ своему столу, а проѣзжавшимъ черезъ Москву близкимъ людямъ радушно предлагалъ пристанище въ своемъ просторномъ домѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Даля въ іюнѣ 1872 года: онъ только что оправлялся отъ недавняго апоплексическаго удара и сидѣлъ на кровати, но сохранялъ полную свѣжесть умственныхъ силъ; говорилъ ясно, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ заводилъ рѣчь о предстоявшей разлукѣ съ жизнью. У кровати сидѣли двѣ его незамужнія дочери (второй жены, рожденной Соколовой, онъ лишился за нѣсколько мѣсяцевъ до того); тутъ же былъ и священникъ, который недавно принялъ его въ православіе.

Имя Даля, какъ и псевдонимъ его Казакъ Луганскій, было у насъ, начиная съ 30-хъ годовъ, однимъ изъ самыхъ популярныхъ. Съ самаго появленія въ литературѣ извѣстность его быстро распространилась, благодаря между прочимъ неожиданному запрещенію, которому подверглись изданныя имъ въ 1832 году сказки: онѣ были задержаны за нѣсколько превратно-истолкованныхъ словъ и авторъ лишенъ свободы, которая впрочемъ въ тотъ же день была возвращена ему, благодаря предстательству нѣсколькихъ хорошо знавшихъ его лицъ (особливо Жуковскаго), напомнившихъ между прочимъ заслугу Даля во время военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ,—постройку имъ моста черезъ Вислу.

Въ первый разъ встрѣтился я съ Далемъ въ 30-хъ же годахъ въ одномъ петербургскомъ купеческомъ домѣ, именно у Я. А. Шредера, въ семействѣ котораго любили русскую литературу; тамъ я еще ранѣе, бывши воспитанникомъ Царскосельскаго лицея, познакомился съ барономъ Дельвигомъ. Въ молодости Даль обладалъ, между прочимъ, талантомъ забавно разсказывать съ мимикою смѣшные анекдоты, подражая мѣстнымъ говорамъ, пересыпая разсказъ поговорками, пословицами, прибаутками и т. п. Въ тотъ вечеръ, о которомъ я говорю, онъ былъ, что̀ называется, въ ударѣ: слушатели, особенно молодежь, хохотали до упаду; онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

Поселившись въ Петербургѣ послѣ разныхъ мытарствъ и будучи практикующимъ врачемъ, Даль вскорѣ пристрастился къ гомеопатіи. Одна изъ первыхъ статей на русскомъ языкѣ объ этомъ способѣ лѣченія была написана имъ и напечатана въ Современникѣ Плетнева. Часто разсказывалъ онъ друзьямъ своимъ о бывшемъ въ его завѣдываніи гомеопатическомъ отдѣленіи военнаго госпи-

таля, и вмѣстѣ съ Гречемъ до конца оставался горячимъ сторонникомъ этой врачебной системы. Вовсе не касаясь вопроса, въ какой мѣрѣ взглядъ его былъ справедливъ, считаю любопытнымъ привести нѣсколько строкъ изъ замѣтки, напечатанной имъ въ 60-хъ годахъ по поводу одного распоряженія противъ изданія гомеопатическаго лѣчебника: «Еслибъ аллопатъ, да еще и начальствующій, подалъ голосъ на пользу гомеопатіи, то развѣ онъ симъ самымъ не отрекся бы отъ своихъ братій, не объявилъ бы самъ себя гомеопатомъ? Тутъ нѣтъ исходу, и доколѣ гомеопатія будетъ подъ командою аллопатовъ, дотолѣ она будетъ подъ гнетомъ А между тѣмъ она принялась у насъ всюду, и выжить ее нѣтъ возможности; она одолѣваетъ старую школу силою правды своей и расплылась уже такъ широко, что ее подъ каблукъ не упрячешь; а что врачебная администрація ея не признаётъ какъ парижская академія не признаетъ животнаго магнетизма, такъ отъ этого дѣло не убудетъ, а повѣсть о семъ перейдетъ въ наше потомство.»

Еще при жизни Владиміра Ивановича, я имѣлъ случай, именно при разборѣ его *Толковаго словаря*, напечатать curriculum vitae автора. Этотъ біографическій очеркъ былъ написанъ мною по свѣдѣніямъ, доставленнымъ, по моей просьбѣ, имъ самимъ. Сообщаю теперь дословно собственный разсказъ его.

«Отецъ мой, датчанинъ, кончившій ученье по двумъ или тремъ факультетамъ въ Германіи, былъ вызванъ, если не ошибаюсь, черезъ Ахвердова, къ Петербургской библіотекѣ; онъ зналъ много языковъ. Но увидавъ въ Питерѣ, что у насъ нуждаются во врачахъ, онъ отправился опять за границу при помощи Ахвердова и нѣсколькихъ другихъ; кончилъ и эти науки, и воротясь на Русь, женился на урожденной Фрейтагъ, коей мать переводила драмы Ифлянда на русскій языкъ, какъ видно изъ каталога Смирдина. Онъ состоялъ при войскахъ въ Гатчинѣ у великаго князя, оттуда перешелъ въ Петрозаводскъ, оттуда въ Лугань, по горно-врачебному вѣдомству, гдѣ и принялъ въ 1797 году подданство. Не смотря на это, герольдія требовала отъ меня въ 1843 году *доказательствъ* что я русскій подданный. Но я не могъ добиться объясненія, какого бы рода *доказательства* могъ представить человѣкъ въ моемъ положеніи, самъ присягавшій уже четыремъ государямъ, когда герольдія отказывалась отыскать у себя эти присяжные листы!

«Но я широко размахнулся, эдакъ надоѣшь и любителю. Я родился въ Лугани 1801 г. 10 ноября въ одинъ день (года) съ Лютеромъ и Шиллеромъ. Оттуда отца перевели главнымъ докторомъ и

инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ; насъ двоихъ братьевъ свезли въ 1814 году въ Морской корпусъ (ненавистной памяти), гдѣ я за́мертво убилъ время до 1819 года и отправился обратно мичманомъ. Меня укачивало въ морѣ такъ, что я служить не могъ, но въ наказаніе за казённое воспитаніе долженъ былъ служить, неудачно пытавшись перейти въ инженеры, въ артилерію, въ армію.

«Переведенный по кончинѣ отца (1821) въ Кронштадтъ (1823), я въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать; мать моя, съ младшимъ сыномъ, уѣхала въ Дерптъ, для воспитанія его, и звала меня туда же. Безъ малѣйшей подготовки, сроду не видавъ университета, безо всякихъ средствъ, я вышелъ въ отставку, принявъ взаймы навязаные мнѣ насильно Романомъ Өедоровичемъ барономъ Остенъ-Сакеномъ 1000 руб., встрѣтилъ въ Дерптѣ необычайно радушный пріемъ профессоровъ и сталъ учиться латыни почти съ азбуки.

«Года черезъ полтора одинъ казеннокоштный студентъ не въ порядкѣ оставилъ честь и мѣсто; меня пригласили занять его, и я въ 1826 вступилъ въ число казенныхъ, срокомъ съ 1825 года, по 200 р. сер. въ годъ. Кромѣ того, я давалъ уроки русскаго языка, по 1 рублю ассигн. за часъ. Мнѣ оставалось пробыть до конца 1830 года, но начальство потребовало высылки всѣхъ годныхъ въ войну 1829 года; насъ отобрали троихъ и мнѣ позволили тутъ же держать на доктора.

«Въ Турціи и Польшѣ пробылъ я въ арміи до 1832 года, много занимался операціями (также у частныхъ больныхъ глазными, катаракты), поѣхалъ въ отпускъ въ Питеръ, былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя, напечаталъ въ 1833 году сказки, за кои взятъ жандармомъ и посаженъ въ III Отдѣленіе, откуда выпущенъ безъ вреда того же дня вечеромъ; В. А. Перовскій пригласилъ меня въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій. Я женился на дѣвицѣ Андрé, родной внукѣ учителя Петропавловской школы Гауптфогеля, и поѣхалъ; сынъ мой Левъ Арсланъ зодчимъ въ Нижнемъ; сынъ Святославъ умеръ младенцемъ, дочь уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; въ 1838 я овдовѣлъ; въ 1841, отходивъ Хивинскій походъ, поступилъ въ секретари къ товарищу министра удѣловъ, Л. А. Перовскому, завѣдуя послѣ *частно* и особенною канцеляріею министра внутреннихъ дѣлъ (будучи и чиновникомъ особыхъ порученій по мин. вн. д.); въ 1849 назначенъ въ управляющіе Нижегородской удѣльной конторой, въ 1859 вытѣсненъ оттуда губернаторомъ Муравьевымъ —когда братъ его былъ Това-

рищемъ министра удѣловъ.—Вышелъ въ отставку съ двумя третями пенсіи и пошелъ въ Москву.

«Словаремъ занимался безсознательно, изучая языкъ, съ 1819 года, когда на пути записывалъ слова; въ 1829, въ Турціи, было уже много собрано; тамъ были подъ рукою люди всѣхъ губерній. Горячее желанье мое исполнилось, я всегда мечталъ посвятить себя съ 60-ти лѣтъ одному этому дѣлу. Никакой полноты и соразмѣрности частей нѣтъ, но сохранить запасы эти иначе, какъ напечатавъ ихъ, нельзя было.

«Съ 1833 года, когда я получилъ вдругъ, вмѣсто 700 руб. асс., 3000 асс. жалованья и еще денежныя награды, я откладывалъ ежегодно всѣ остатки и заработки, и теперь этимъ могу жить; записная книга моя доказываетъ, что другихъ доходовъ у меня не было. Да, уѣзжая изъ Оренбурга, я женился на дочери раненаго еще подъ Бородинымъ майора Соколова, отъ коей у меня три дочери.

«Академія Наукъ сдѣлала меня членомъ-корреспондентомъ въ 1834 году, по естественнымъ наукамъ, а во время соединенія Академій, меня, безъ вѣдома моего, перечислили во 2-е Отдѣленіе. Общество любителей Россійской словесности въ Москвѣ выбрало меня въ члены въ 1857, а въ почетные, въ 1868; Общество Исторіи и древностей въ дѣйствительные члены въ 1863; Академія (Наукъ) въ почетные, 1865 или 6, не помню, и однимъ годомъ вообще могу ошибаться. Русскаго Географическаго Общества состою членомъ-учредителемъ, насъ всего было 12. Оно присудило мнѣ за словарь Константиновскую медаль.—Самъ испугался учености своей, переписавъ всѣ почеты эти....Да для чего вамъ все это, право не понимаю—какая связь со словаремъ? Судите дѣло, а личность откиньте, что вамъ до нея?

«Но старина вспомнчива и замапчива. Не много осталось мнѣ сроку здѣсь, не долго посуетиться—по предсказанію нынѣшній годъ послѣдній [1]), а если это и враки, то одряхлѣніе очевидно тянетъ землю въ землю, а духъ расправляетъ крылья. Отецъ мой, силою воли своей, умѣлъ вкоренить въ насъ навѣкъ страхъ Божій и святыя нравственныя правила. Видя человѣка такого ума, учености и силы воли, какъ онъ, невольно навсегда подчиняешься его убѣжденіямъ. Онъ при каждомъ случаѣ напоминалъ намъ, что мы Русскіе, зналъ языкъ, какъ свой, жалѣлъ въ 1812 году, что мы еще молоды и негодны, и далъ лошадямъ своимъ кличку: Смоленской, Бородин-

---

1) Письмо это писано 1 августа 1868 года.

ской, Можайской, Тарутинской и пр. Мать, жившая до 1858 года, нравственно управляла нами, направляя всегда на прикладную, дѣльную, полезную жизнь. Двое братьевъ моихъ умерли чахоткой, третій убитъ 1831 на приступѣ Варшавы. Во всю жизнь свою я искалъ случая поѣздить по Руси, знакомился съ бытомъ народа, почитая народъ за ядро и корень, а высшія сословія за цвѣтъ или плесень, по дѣлу глядя, и почти съ дѣтства смѣсь нижегородскаго съ французскимъ мнѣ была ненавистна, по природѣ, какъ брюква, однимъ одно кушанье изъ всѣхъ, котораго не люблю. При недостаткѣ книжной учености и познаній, самая жизнь на дѣлѣ знакомила, дружила меня всесторонне съ языкомъ: служба во флотѣ, врачебная, гражданская, занятія ремесленныя, которыя я любилъ, все это вмѣстѣ обнимало широкое поле, а съ 1819 года, когда я на пути въ Николаевъ записалъ въ Новгородской губерніи дикое тогда для меня слово *замолаживаетъ* (помню это донынѣ) и убѣдился вскорѣ, что мы русскаго языка не знаемъ, я не пропустилъ дня, чтобы не записать рѣчь, слово, оборотъ на пополненіе своихъ запасовъ. Гречъ и Пушкинъ горячо поддерживали это направленіе мое, также Гоголь, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ; Жуковскій былъ какъ бы равнодушнѣе къ этому и боялся мужичества.»

Послѣдняя фраза требуетъ нѣкотораго поясненія. Многочисленные разсказы изъ народнаго и солдатскаго быта, сказки и повѣсти Даля писаны, по собственному его сознанію, болѣе въ интересахъ этнографіи и лингвистики, нежели съ художественною цѣлью или вслѣдствіе творческой потребности. Дѣйствительно, въ нихъ гораздо болѣе виденъ зоркій наблюдатель, внимательно изучавшій нравы, обычаи, повѣрья и говоръ простонародья, нежели писатель съ живою фантазіей и эстетической натурой. Жуковскій мало сочувствовалъ языку, какимъ выражался Даль. Когда однажды, во время проѣзда по Оренбургскому краю нынѣ царствующаго Государя Императора, Владиміръ Ивановичъ представилъ бывшему въ свитѣ Наслѣдника Жуковскому прозаическій отрывокъ, написанный по образцу тамошней народной рѣчи, то поэтъ замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками, и притомъ о близкихъ имъ предметахъ. Еще рѣзче былъ отзывъ Жуковскаго о какихъ-то стихахъ Даля. Это разсказывалъ мнѣ самъ Владиміръ Ивановичъ, и вотъ по какому поводу. Живя въ Нижнемъ, онъ пристрастился къ спиритизму. Тамъ была дѣвица хорошаго семейства, которая служила ему медіумомъ для общенія съ духами. Обыкновенно дѣло на-

чиналось вопросомъ, обращеннымъ къ невидимымъ собесѣдникамъ, которые могли находиться въ той же комнатѣ: «Кто тутъ есть?» Однажды отвѣтомъ было: «Жуковскій». Тогда у отвѣчавшаго потребовали доказательства, что это точно онъ, попросивъ его сказать что-нибудь такое, что̀ могло быть извѣстно только ему и вопрошавшему. Невидимка отвѣчалъ: «А помнишь ли, какъ ты мнѣ когда-то показалъ свои стихи, а я отвѣчалъ тебѣ, что это не поэзія, а болтовня пьяныхъ казаковъ на базарѣ?»

Точно ли таковъ былъ отзывъ Жуковскаго, или Владиміръ Ивановичъ, въ излишнемъ самоуничиженіи, давалъ такую форму приговору поэта, не берусь рѣшить; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что литературный языкъ, который желалъ создать Казакъ Луганскій, былъ не по вкусу автора Свѣтланы и переводчика Ундины. Нельзя не согласиться, что въ мнѣніи Даля о пригодности народныхъ выраженій для замѣны общеупотребительной образованной рѣчи было своего рода преувеличеніе. Но объ этомъ я имѣлъ уже случай подробно высказаться при разборѣ Толковаго словаря, когда за него присуждена была составителю Ломоносовская премія, и потому могу не входить уже теперь въ разсмотрѣніе этого вопроса. Довольно, что Академія наша, не смотря на весьма крупные недостатки этого словаря въ смыслѣ научномъ, все-таки признала его, въ виду собраннаго въ немъ громаднаго матеріала, достойнымъ награды, учрежденной въ память Ломоносова за труды, пролагающіе новые пути въ области знанія.

Въ перепискѣ, которую я велъ съ Владиміромъ Ивановичемъ въ послѣдніе годы его жизни, я совѣтовалъ ему написать свои воспоминанія о прошломъ; его дѣятельность была такъ разнообразна, онъ такъ много видѣлъ и испыталъ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ со столькими замѣчательными людьми, что, казалось, записки его могли бы быть особенно интересны и поучительны. Вотъ его замѣчательный отвѣтъ на мой вызовъ:

«Вы говорите о запискахъ моихъ. Не рѣшаюсь на это, не видя въ нихъ большой пользы и будучи поставленъ въ раздумье. Записки могутъ, главнѣйше, относиться до личности пишущаго или до современныхъ ему событій. Первое считаю слишкомъ ничтожнымъ, второе мнѣ не подъ силу; я не любилъ подноготныхъ дрязговъ, на коихъ, какъ на мази, вертится земная ось, и нѣтъ у меня памяти на нихъ. Первый родъ записокъ коренится на самотности, на самолюбіи, тщеславіи — а у меня, слава Богу, этой шишки нѣтъ; второй приличенъ человѣку, жившему въ большомъ свѣтѣ, бывше-

му представителемъ, зачинщикомъ, коноводомъ—я вѣкъ свой былъ подчиненнымъ работникомъ, избѣгалъ начальничанья, не будучи къ тому способенъ, и вся бытовая жизнь моя протекла въ тѣсномъ кругу. Наконецъ, какъ ни верти, а пропоешь хвалебную пѣснь себѣ и всѣхъ другихъ опорочишь: въ каждомъ встрѣчномъ дѣлѣ самъ выходишь правъ, а прочіе виноваты. То, что въ теченіе жизни моей боролось въ тайникѣ души моей само съ собою—не для печати, исповѣдь Богу повинна, а не людямъ, и на площадяхъ не оглашается, да и никому не нужна она, кромѣ меня самого; личина, которою невольно тутъ и тамъ пришлось бы прикрыться, мерзитъ, и безгрѣшно замѣняется молчаньемъ. Всестороннее осужденье подозрительно и надменно. Простой же разсказъ обиходной жизни и погодный счетъ мелочныхъ событій, относительныхъ къ своей особѣ—не стóитъ чернилъ и бумаги, ни вниманія людей, коимъ въ руки попадется подобная книжка». Такъ смотрѣлъ на вопросъ о запискахъ человѣкъ, умудренный годами и опытомъ, хотя и имѣвшій полное право гордиться своими обширными свидѣніями, своими многообразными заслугами, и произносить рѣшительные приговоры. Скромный отзывъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, какъ теперь извѣстно изъ разсказа П. И. Мельникова [1]), Даль въ болѣе молодые годы писалъ свои записки, но, опасаясь повредить ими человѣку, которому считалъ себя обязаннымъ, уничтожилъ ихъ безвозвратно. Это было также своего рода нравственнымъ подвигомъ.

Работая, по порученію Академіи, надъ разборомъ *Толковаго словаря*, я писалъ объ этомъ Далю. На это онъ отвѣчалъ мнѣ:

«Радъ радъ, что много занимались *мною* или словаремъ. Вы находите свой разборъ строгимъ—но взглядъ мой на это дѣло одинаковъ съ вашимъ: легонькій разборъ показалъ бы набреженіе къ труду, а *правда* равно брестъ въ обѣ стороны, и за и противъ. Гдѣ будетъ высказана правда несомнѣнная, тамъ нельзя будетъ разумнымъ образомъ возражать, ни требовать другаго отзыва; гдѣ будетъ высказано одно лишь мнѣніе, убѣжденіе, тамъ пусть всякій разбираетъ доводы—и всякому воля; въ этомъ дѣлѣ нѣтъ насилія, никому рта платкомъ не завяжешь. Загляните въ *Напутное слово* [2]) мое: что я сказалъ тамъ, раздумывая, рѣшаться ли мнѣ на это дѣло, когда Академія отказалась, и могу ли я его сдѣлать одинъ?

---

[1]) Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1873, мартъ.

[2]) Напечатанное, вмѣсто предисловія, при *Толковомъ словарѣ*.

А сказалъ я все это не по жеманству, а по искреннему убѣжденію и ради правды. Если бы я не рѣшился, очертя голову, то всѣ собранныя мною сокровища погибли бы ни за грошъ. Это *не словарь, а запасы для словаря*; скиньте мнѣ 30 лѣтъ съ костей, дайте 10 лѣтъ досугу, и велите добрымъ людямъ пристать съ добрымъ совѣтомъ —мы бы все передѣлали, и тогда бы вышелъ словарь!»

Тотчасъ по присужденіи Владиміру Ивановичу Ломоносовской преміи, я послалъ ему свой въ то же время отпечатанный разборъ. Не смотря на нѣкоторыя довольно рѣзкія замѣчанія мои, онъ принялъ эту рецензію очень благодушно; конечно, какъ человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ не могъ не быть нѣсколько огорченъ тѣми мѣстами ея, которыя выставляли слабыя стороны словаря: онъ возражалъ на нихъ, оспаривалъ иные изъ высказанныхъ мною взглядовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ за указанныя ошибки, обѣщалъ воспользоваться поправками; наши отношенія нисколько не измѣнились. Вотъ что тогда писалъ онъ мнѣ между прочимъ: «Плохо можется; силы падаютъ, голова отступается отъ духа, вещественные снаряды коснѣютъ; вотъ почему я и молчалъ. Но на послѣднюю подачку молчать не могу, такъ ей обрадовался. Написалъ бы самъ свое спасибо гг. Рупрехту и Шренку[1]), да немощи одолѣваютъ. Пожалуста передайте: и ваши и всѣ ихъ поправки не пропадутъ даромъ, а во многомъ исправятъ будущее изданіе словаря, если бы я и не дожилъ до него; вношу все, все что могу принять по убѣжденію; *тысяча* поправокъ испестрили уже словарь мой, переплетенный въ *шесть* толстыхъ книгъ, съ прокладкою бѣлыхъ листовъ, и если бы нашлось болѣе такихъ добрыхъ людей, кои не жалѣютъ труда и знаній своихъ на помощь собрату и на общую пользу, то подобныя дѣла пошли бы иначе. Начавъ печатать словарь въ шестьдесятъ лѣтъ и предвидя восемь лѣтъ труда, я не чаялъ дожить до конца его, а для пополненія его всѣмъ тѣмъ, что было когда-либо напечатанно, вѣку мало.» Затѣмъ онъ входитъ въ частныя замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ, имѣющія конечно свой спеціальный интересъ, но которыя здѣсь приводить было бы неумѣстно[2]).

---

[1]) По просьбѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности, академики Л. И. Шренкъ и покойный Ф. И. Рупрехтъ, написали свои отзывы о встрѣчающихся въ Толковомъ словарѣ объясненіяхъ зоологическихъ и ботаническихъ. Эти отзывы были напечатаны вмѣстѣ съ моимъ разборомъ и также доставлены Далю.

[2]) Напр. онъ защищаетъ свое производство словъ: *прощелыга* онъ *щелокъ*, на которое я указалъ какъ на ошибочное; *вытъ* отъ *вытягивать*; *зга* отъ *зи-*

ПИСЬМО В. И. ДАЛЯ КЪ Г. П. ГЕЛЬМЕРСЕНУ.

Въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года напечатано нѣсколько писемъ Даля къ друзьямъ изъ хивинскаго похода. Но есть еще одно тогдашнее письмо его, писанное по-нѣмецки къ академику Г. П. Гельмерсену. Оно любопытно тѣмъ, что писано тогда, когда уже рѣшено было итти обратно, и потому содержитъ очеркъ всего похода. Это письмо только недавно напечатано въ подлинникѣ, какъ приложеніе къ книжкѣ: «Aus dem Tagebuche eines Reisenden.» (St. Petersburg 1871). Такъ какъ оно, такимъ образомъ, еще неизвѣстно русскимъ читателямъ, то я считаю умѣстнымъ заключить свое воспоминаніе о покойномъ нашемъ почетномъ членѣ переводомъ этого письма къ академику и тѣмъ дополнить сообщенныя Далемъ извѣстія о походѣ въ Хиву.

Передъ письмомъ помѣщена въ оригиналѣ пояснительная замѣтка, изъ которой приведу слѣдующее:

Осенью 1839 года Даль сопровождалъ графа Перовскаго въ предпринятомъ противъ ханства Хивы зимнемъ походѣ, на которомъ, какъ извѣстно, пришлось бороться со всѣми препятствіями и ужасами степной природы. Хотя онъ и не удался въ томъ смыслѣ, что небольшое храброе войско не достигло цѣли экспедиціи, Хивы, однакожъ результатъ былъ тѣмъ не менѣе благопріятный, такъ какъ устрашенная хищническая страна должна была смириться передъ Россіей и возвратить свободу всѣмъ захваченнымъ подданными хана Русскимъ, изнывавшимъ въ тяжкомъ рабствѣ на рѣкѣ Аму-Дарьѣ.

Письмо Даля написано въ ту критическую минуту, когда графъ Перовскій, понявъ невозможность итти далѣе, долженъ былъ остановиться въ глубокихъ снѣгахъ на Эмбѣ, съ тѣмъ чтобы весной начать обратный путь къ Оренбургу.

И этимъ самымъ путемъ, по плоской возвышенности, гдѣ Перовскій въ 1840 г., при упорныхъ морозахъ отъ 25° до 32° Реомюра ниже нуля, засѣлъ въ снѣгахъ съ 10,000 верблюдовъ, съ военными снарядами и провіантомъ,—полковникъ Данилевскій въ 1841 году, при 15° холода и снѣгѣ, покрывавшемъ землю только на нѣ-

---

нуть, *окунь* отъ *окунать*, *сигъ* отъ *сигать*. Относительно перваго слова онъ пишетъ: «да, прощелочный, тонкій плутъ. Почему же нѣтъ?» Относительно же остальныхъ напоминаетъ, что при нихъ у него вопросительный знакъ, которымъ выражается одно предположеніе; и т. д.

сколько дюймовъ, безпрепятственно пробрался въ Хиву и въ началѣ 1842 года возвратился въ Оренбургъ. Въ этой экспедиціи полковнику Данилевскому сопутствовалъ извѣстный ботаникъ Базинеръ, который сдѣланныя при этомъ случаѣ наблюденія напечаталъ въ 15-мъ томѣ изданія гг. Бера и Гельмерсена «Beiträge zur Kenntnis des Russichen Reichs.»

Вотъ самое письмо:

7 февраля 1840 г.,
130 верстъ по ту стороны Эмбы.

О началѣ нашего великаго предпріятія вы давно слышали, любезный Гельмерсенъ, а теперь слышали, вѣроятно, уже и о концѣ его. Вамъ будетъ любопытно кое-что узнать о немъ — разбирайте только мой почеркъ какъ умѣете: я пишу на ящикахъ; на дворѣ все еще не менѣе 20 градусовъ мороза, и сидѣнье у меня довольно безпокойное. Съ 10.400 верблюдовъ — вмѣсто предположенныхъ 12.000, которыхъ нельзя было набрать во-время — мы выступили 17 ноября изъ Оренбурга вслѣдъ за тремя первыми колоннами, которыя пошли впередъ 14-го, 15-го и 16-го ноября и всѣ наконецъ, 5-го декабря, соединились на Бишъ-тамакѣ [1]). Въ дорогѣ было у насъ иногда — 28°,—29°; разъ — 33° или 34°, потомъ — 29°,—28°; средняя температура за это время была ниже — 20°. Однакожъ съ нами были запасы дровъ, кое-что нашли мы въ дорогѣ, и жить можно было. Оттуда до Эмбы, при устьѣ рѣчки Аты-Якши [2]), мы уже нашли гораздо болѣе снѣгу; но внизъ по Илеку, а потомъ вверхъ по Эмбѣ, черезъ Бассагу, лѣсъ, побережный кустарникъ и кое-гдѣ порядочный подножный кормъ. 19-го декабря мы наконецъ достигли, уже въ нѣкоторомъ нетерпѣньи, первой нашей стоянки на Эмбѣ, а до того мы, послѣднее время, съ большимъ трудомъ пробивались сквозь снѣжныя пространства. Мы иногда дивились, что верблюды немножко уставали и не совсѣмъ охотно подымались на ноги, когда рано утромъ трубили генеральный маршъ — мы ужъ догадывались, что надежда, въ случаѣ совершеннаго недостатка фуража, прокормить этихъ животныхъ лепешками изъ муки — не болѣе какъ мечта, но все шло еще какъ по маслу, хотя изъ

---

[1]) *Бишъ-тамакъ* значитъ пять устьевъ См. *Р. Архивъ* 1867, стр. 414.

[2]) Или *Аты-Джаксы*, какъ пишетъ *Географическо-Статистическій Словарь Росс. Имперіи*, сост. П. П. Семеновымъ, (т. I, стр. 160). Это лѣвый притокъ Эмбы въ Киргизской степи Малой Орды. *Аты-Якши* значитъ *доброе имя* (*Р. Арх.* 1867, стр. 415).

нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ только двое ѣли лепешки, потому что для этого нужна привычка.

Тутъ началась суета на Эмбѣ. Провіантъ вышелъ, нужно было запастись новымъ и для этого все разложить въ мѣшки, корзины, ящики, кули и рогожи, достать и приладить веревки—устроить госпиталь—это бѣдствіе въ тылу арміи; надо было отправить особый конвой въ Акъ-булакъ, наше второе укрѣпленіе, въ 160-ти верстахъ разстоянія, чтобы взять оттуда больныхъ; короче, въ этихъ хлопотахъ прошло три недѣли, и мы не могли двинуться съ мѣста. Морозъ все еще былъ жестокій; мнѣ бы нуженъ былъ цѣлый часъ, котораго теперь негдѣ взять, чтобы сдѣлать вамъ термометрическую табличку; но у насъ, до сегодняшняго дня, едва ли десять дней было менѣе — 10°, а то все — 16°, — 18°, — 20°, — 26°, — 29°, — 30°; при этомъ зачастую страшный буранъ, который вы знаете. Снѣгу на Эмбѣ мы нашли по колѣна и услышали, что далѣе онъ еще глубже. Наконецъ явились наши верблюды—ихъ угоняли на тебеневку [1]) верстъ 20 въ сторону—съ 31 декабря по 10 января, когда колонны, изготовясь, пустились въ путь; они явились въ видѣ остововъ, обтянутыхъ верблюжьей кожей, и вмѣсто 10,400 уцѣлѣло только 8.900. Киргизы повѣсили носъ, вздыхали о неслыханной зимѣ, которую мы имъ принесли, и говорили, что эта зима убьетъ большую часть скота въ степи, а тѣмъ болѣе нашихъ жалкихъ верблюдовъ подъ ихъ вьюками, которые къ несчастію предназначались для крѣпкихъ караванныхъ верблюдовъ и были распредѣлены по 16 пудовъ на каждаго. Изъ заготовленнаго и подвезеннаго на 4 мѣсяца провіанта, мы не могли навьючить и половины; бѣдный В. А. Перовскій былъ въ отчаяніи, и послѣдняя колонна прибыла въ Акъ-булакъ—160 верстъ—только 2-го февраля. Но какъ и въ какомъ положеніи! Цѣлые ряды казаковъ ѣхали гуськомъ, чтобы протоптать какую-нибудь дорогу — тощіе верблюды плелись сзади шатаясь, съ громкимъ рычаньемъ, насилу вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣгу, падали и уже болѣе не вставали. Болѣе 1200 пали въ дорогѣ, остальные были въ самомъ ужасномъ состояніи.

Очевидно приближался всѣмъ имъ конецъ, и мы, на самомъ полупути между Оренбургомъ и Хивой, не смѣли ни жаловаться, ни утѣшать другъ друга. Никто не думалъ о возможности возвратиться, всякій считалъ своею обязанностью итти впередъ, во что бы ни

---

[1]) Зимнее пастбище; см *Р. Архивъ* 1867, стр. 408, 613 и проч.

стало, хотя бы пришлось положить голову и кости. Нѣкоторые однакожъ были попросту легкомысленны, и въ добавокъ не знали положенія вещей, даромъ что каждый день съ нами ѣли и пили — другіе, какъ говорится, обращали нужду въ добродѣтель и проч. Короче сказать, каждый не на шутку приготовлялъ себя къ мысли не воротиться, и хотя наши офицеры и исполинскій штабъ не были одушевлены особеннымъ esprit de corps, однакожъ не было видно ни одного недовольнаго лица.

Признаюсь, что и я съ своей стороны нѣсколько способствовалъ къ тому, что Василій Алексѣевичъ короткое время былъ въ заблужденіи насчетъ настоящаго положенія вещей; и я придумывалъ разные способы и возможности, въ которыя самъ не вѣрилъ. Но я размышлялъ, что до Акъ-булака мы во всякомъ случаѣ должны же добраться; такъ для чего же заранѣе тревожиться и мучить себя заботами? Когда доберемся туда, придется непремѣнно считать верблюдовъ, и тогда вопросъ: да или нѣтъ? самъ собой рѣшится. Къ несчастію, такъ и было: не оказалось и 5,000 верблюдовъ на ногахъ, и слѣдовательно мы могли взять съ собою провіанта только на 30 дней.—Полагая, что верблюды будутъ сносны—намъ оставалось пути еще на 60—70 дней, и завѣдомо мало надежды найти что̀ нужно на мѣстѣ. Итакъ—послѣ тяжкой, тяжкой борьбы съ самимъ собою — генералъ рѣшилъ воротиться. Теперь мы вотъ уже 3-й день въ дорогѣ изъ Акъ-булака, и можемъ съ большимъ трудомъ, съ большимъ трудомъ въ полномъ смыслѣ слова, доплестись до Эмбы, можемъ тащить съ собой провіантъ едва на двѣ недѣли, все же остальное бросаемъ на пути. Къ чему тутъ послужила предусмотрительность? Въ походѣ никакое войско не было продовольствовано такъ хорошо какъ наше, это я говорю по чести и совѣсти; Уральскіе казаки дѣлаютъ чудеса—пѣхота, къ несчастію, избалованный народъ, который никогда не зналъ нужды и переходовъ. До Эмбы болѣе половины сидѣли на верблюдахъ, оттуда выступили пѣшкомъ; солдатъ насилу умѣетъ развести огонь, когда у него есть дерево; казакъ же, напротивъ, долженъ выкапывать соляныя растенія изъ-подъ заледенѣлаго, глубокаго снѣга, не получая топлива, — и какъ скоро онъ на мѣстѣ, у него трещитъ огонекъ. На казакахъ лежитъ весь трудъ при этомъ страшномъ холодѣ, пѣхоту же держатъ въ хлопочкахъ какъ больнаго ребенка—тѣмъ не менѣе у насъ до сихъ поръ изъ 1,500 человѣкъ кавалеріи, считая и артиллерійскихъ казаковъ и дивизію 1-го Оренбургскаго казачьяго полка, бывшихъ Тептярей, около 60 больныхъ,

а изъ 2750 пѣхотинцевъ—600. Гарнизонъ при Акъ-булакѣ боленъ цынгой, а тотъ, что на Эмбѣ, страдаетъ тифомъ.

Замерзло у насъ менѣе чѣмъ между Оренбургомъ и Сакмарскомъ: тамъ, по слухамъ, найдены трое замерзшихъ, у насъ же по сію пору только одинъ. Но было между солдатами нѣсколько внезапныхъ смертныхъ случаевъ отъ переполненія и удушья легкихъ, такъ какъ, вѣроятно, безпрерывный холодъ гналъ кровь отъ оконечностей внутрь. Мы всѣ здоровы; при обильной пищѣ, NB. тепломъ чаѣ, достаточномъ согрѣваніи и не слишкомъ усиленномъ напряженіи тѣла, такая прогулка выносится очень хорошо; я такъ тепло и удобно одѣтъ, что право ни разу не страдалъ особенно отъ морозу.

Пѣхота одѣта тепло, но это ей въ тягость на маршѣ; только крѣпкіе какъ желѣзо Уральскіе казаки ѣдутъ верхомъ съ веселыми пѣснями. Что вы скажете, напр., о такой работѣ: верблюдовъ приходится держать на ногахъ, покуда ихъ навьючиваютъ, потому что, если имъ дать лечь для этого, то они уже не встанутъ. При этомъ надобно подымать съ земли мѣшки съ мукой и ящики съ сухарями, въ 7 — 8 пудовъ вѣсу — все это лежитъ на обязанности Уральскаго казака.

Теперь спрашивается, отчего же экспедиція на этотъ разъ не удалась и можно ли за это обвинять кого-нибудь? Отвѣчаю по совѣсти и съ полнымъ убѣжденіемъ, что предпріятіе безъ сомнѣнія увѣнчалось бы успѣхомъ, т. е. мы въ эту пору были бы уже почти въ Хивѣ, если бы зима стояла обыкновенная, какая бываетъ большею частью. Вы знаете, что большинство Киргизовъ покидаетъ Илекъ въ концѣ зимы и переходитъ Эмбу, потому что здѣсь почти вовсе не бываетъ снѣгу, а если и бываетъ, то едва столько, сколько нужно, чтобъ скотъ могъ пастись; самые старые Киргизы не запомнятъ такой зимы, такихъ глубокихъ снѣговъ и сильныхъ морозовъ.—По гладкой дорогѣ и теперь еще верблюды могутъ идти порядочно, но въ снѣгу вязнутъ. Люди хорошо перенесли всѣ трудности, провіанту у насъ хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ, но верблюды пропали, а съ ними и все предпріятіе.—Выступи мы нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, мы бы еще прошли благополучно, пока снѣгъ былъ не такъ плотенъ, но—во 1-хъ, кто могъ это знать? Намъ предстояло идти черезъ безводныя пустыни, гдѣ спасенья только и можно было ожидать отъ снѣгу—а первый порядочный снѣгъ на Усть-Уртѣ рѣдко выпадаетъ ранѣе января. Мы все боялись терпѣть отъ недостатка снѣга, никогда не пред-

ставляли себѣ его въ такомъ избыткѣ, потому что это почти небывалый случай. Во 2-хъ, походъ былъ утвержденъ только въ мартѣ, а въ ноябрѣ слѣдовало уже совершить его, такъ было приказано. Оттого такія разнообразныя приготовленія никакъ не могли быть окончены ранѣе. Правда, что произошли разныя ошибки въ разсчетѣ, иначе и быть не могло; но главная бѣда не въ этихъ ошибкахъ; сами по себѣ онѣ не могли бы разстроить все предпріятіе. Непріятеля мы къ счастью не видѣли; слѣдовательно нашего отступленія нельзя приписать его храбрости. Однакожъ была у насъ одна миніятюрная стычка. Хивинскій ханъ выдумалъ глупость—отправилъ тысячи двѣ Узбековъ, Туркменовъ и Каракалпаковъ (они были хорошо одѣты, хорошо вооружены и посажены на хорошихъ коней), съ тѣмъ чтобъ они взяли и срыли наши два редута—Акъ-булакъ и Эмбу. Въ декабрѣ этотъ отрядъ дѣйствительно достигъ Акъ-булака; тамъ было 160 человѣкъ гарнизону и двѣ пушки; валъ и ровъ совершенно сравнены снѣгомъ: тамъ лежало полтораста больныхъ; два огромные стога снѣга стояли въ разстояніи сажень 24-хъ оттуда; вся осада продолжалась двое сутокъ; гарнизонъ могъ сдѣлать не болѣе девяти выстрѣловъ, потому что осадный корпусъ держался въ приличномъ отдаленіи. Нѣсколько человѣкъ чрезъ каждыя десять минутъ прискачутъ, начнутъ кричать, ругаться и требовать безусловной сдачи укрѣпленія—но каждый разъ четыре казака (именно *четыре*) прогонятъ ихъ: болѣе конницы на лицо не было. Послѣ того осадный корпусъ—потерпѣвъ однакожъ нѣкоторый уронъ, я самъ видѣлъ четырехъ мертвыхъ, случайно выкопанныхъ изъ подъ снѣгу—двинулся противъ конвоя, о которомъ я выше упомянулъ и который, ничего не подозрѣвая, пошелъ изъ Эмбы къ Акъ-булаку. Онъ состоялъ изо стадвадцати человѣкъ пѣхоты и ста казаковъ, въ числѣ коихъ было только сорокъ конныхъ, такъ какъ остальные запрягли своихъ лошадей въ лазаретныя повозки. Хивинцы сняли свою осаду, убѣдившись, что лбомъ стѣны не прошибешь, и пошли на встрѣчу конвою. Въ пятнадцати верстахъ отъ крѣпости они на него напали внезапно и неожиданно, когда онъ остановился для отдыха и пустилъ лошадей на траву. Эта горсть людей могла бы конечно быть изрублена до послѣдняго человѣка двумя-тремя тысячами хорошо вооруженныхъ всадниковъ, но хищничество Хивинцевъ было причиною, что они безумно бросались прежде всего на верблюдовъ, лошадей и багажъ, такъ что сперва казаки, а потомъ и солдаты успѣли соединиться, построиться и дать залпъ. Такой неудачи

Хивинцы не ожидали; когда двое-трое изъ нихъ свалились назадъ съ лошадей, всѣ ударились въ бѣгство. Почти двои сутки продолжалась и здѣсь выдержанная съ большой энергіей осада, при которой Хивинцы потеряли сравнительно многихъ, какъ можно было заключить изъ попадавшихся случайно могилъ, въ одной изъ которыхъ лежало напр. 19 труповъ. У насъ пятеро убитыхъ и одиннадцать раненыхъ. Послѣ этихъ подвиговъ непріятельская армія отступила, дала нашей спокойно тронуться и итти далѣе, и не рѣшилась не разу потревожить ее на переходѣ въ пятнадцать верстъ. Этимъ дѣло и кончилось; я досталъ себѣ голову Хивинца, отъ которой черепъ, вмѣстѣ съ заготовленными у меня башкирскими, киргизскими и мещеряцкими черепами, я намѣренъ отправить въ Академію, и вотъ чуть ли не единственная польза всего похода. Но что же онъ еще доставилъ ученому міру? спросите вы. Да не болѣе того, чтó можно было ожидать отъ такого невыношеннаго зародыша. Леманъ[1]) очень и очень способный человѣкъ, но изъ-за снѣга и онъ ничего не могъ сдѣлать. Дюжины двѣ мѣховъ отъ млекопитающихъ—особенно грызуновъ—столько же растеній, которыя неутомимый собиратель отрылъ подъ снѣгомъ и опредѣлилъ, и притомъ отчасти такихъ, какихъ здѣсь никогда еще не находили. —Потомъ онъ снялъ и сообщилъ намъ очень наглядный геогностическій чертежъ всего пройденнаго нами пространства; далѣе онъ набралъ дюжины двѣ минералогическихъ образцовъ, нѣсколько окаменѣлостей, которыя для васъ будутъ интересны, вотъ и все. Къ этому надобно прибавить, въ отношеніи къ географическимъ задачамъ, опредѣленіе долготы и широты устья рѣки Аты-Якши въ Эмбу[2]) и прекраснаго, но невкуснаго и нездороваго ключа Акъ-булака, въ 160-и верстахъ отъ подошвы Усть-сырта. Утверждаютъ, что опредѣленіе послѣдне-упомянутаго мѣста доставляетъ новыя свѣдѣнія объ очертаніи и положеніи Аральскаго моря; я еще не могу составить себѣ яснаго понятія о справедливости этого увѣренія и знаю только, что Аты-Якши находится приблизительно на $3^1/_2°$ южнѣе и на $2^1/_2°$ восточнѣе Оренбурга. Такъ какъ мы вѣроятно по нуждѣ просидимъ на Эмбѣ всю весну, то Леманъ возьметъ съ

---

[1]) Александръ Леманъ (Lehmann) сопровождалъ хивинскую экспедицію въ качествѣ естествоиспытателя. Позднѣе онъ ѣздилъ съ Бутеневымъ въ Бухару. Описаніе этого путешествія, извѣстное изъ дневниковъ Лемана, напечатано академикомъ Гельмерсеномъ въ 17-мъ томѣ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs.»

[2]) Ср. *Р. Архивъ*, стр. 416.

собою все, что можно. Мы въ дорогѣ уже принуждены были оставить на мѣстѣ около 1500 четвертей провіанта и конечно не будемъ въ состояніи подобрать еще многаго, что «съ возу упадетъ». Мы ежедневно теряемъ, въ одноіі нашей колоннѣ, 40—60 верблюдовъ, всего же на все 150—200.

Гернгроссъ[1]), Чихачевъ[2]), Леманъ и особенно Василій Алексѣевичъ кланяются. Послѣдній, съ тѣхъ поръ какъ вопросъ рѣшенъ, сталъ опять совершенно такимъ, какъ прежде, остритъ надъ самимъ собою и надъ всей экспедиціей. Но этимъ дѣло безъ сомнѣнія не кончится, это невозможно—скоро предпримутъ второй болѣе удачный походъ; не всякая зима похожа на нынѣшнюю; но въ одномъ и томъ же году невозможно все вторично поставить на ноги; средства истощены; вмѣсто полутора милліона исторія обойдется по меньшей мѣрѣ втрое дороже, и—нужно имѣть время. Какимъ способомъ теперь достать такое количество провіанта? Мука нынче стóитъ въ Оренбургѣ по три рубля пудъ, овесъ по два съ полтиной. Откуда взять первыя средства для транспорта? Невозможно тотчасъ выписать опять 12,000 башкирскихъ телѣгъ, потому что это стоило Башкирцамъ 40,000 лошадей, которыя почти всѣ переколѣли. Наконецъ—откуда еще разъ взять отъ 10-и до 15-и тысячъ верблюдовъ? Это такое громадное число, которое во второй разъ не легко набрать даже и за звонкую полновѣсную монету. Время убѣдитъ въ этомъ. Ковалевскому и Гернгроссу удалось по счастью пронюхать, что Хивинцы подстерегаютъ ихъ и хотятъ схватить; поэтому они бѣжали изъ каравана въ ночное туманное время, бросили все и благополучно добрались до Акъ-булака, гдѣ и командовали артиллеріей во время нападенія. Теперь они вмѣстѣ съ нами направляются домой.—Смѣшно сказать, а я въ эту минуту съ трудомъ пишу — отъ жару. На дворѣ 20° морозу; но я сижу у В. А.

---

[1]) Гернгроссъ и ниже упомянутый Ковалевскій, два горные офицера, осенью 1839 года присоединились къ каравану, отходившему изъ Оренбурга въ Бухару. Но узнавъ на Сыръ-Дарьѣ, что они легко могутъ быть ограблены и уведены въ плѣнъ разбойниками, оба бѣжали на сѣверо-восточный берегъ Аральскаго моря и съ большими опасностями достигли русскаго лагеря.

[2]) Платонъ Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Сѣверную и Южную Америку, участвовалъ волонтеромъ въ хивинскомъ походѣ. Этому даровитому отважному, рыцарски благородному человѣку не удалось, къ сожалѣнію, исполнить своего пламеннаго желанія—побывать въ центральной Азіи. Уже много лѣтъ, онъ живетъ за границею вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ, извѣстнымъ путешественникомъ по европейскому Востоку и по Алтаю.

Перовскаго въ кибиткѣ, гдѣ желѣзная печь—это настоящая баня, невыносимо; уже темно: жалобное рычанье возвращающихся съ тебеневки верблюдовъ, смѣшанное съ визгливыми голосами перекликающихся Киргизовъ, совершенно оглушаетъ и одуряетъ.

Прощайте, будьте здоровы. Кланяйтесь Беру, Гессу и всѣмъ, кто меня помнитъ.

В. Даль.

Напишите мнѣ, какъ вы поживаете и что дѣлается въ Петербургѣ.

ВОСПОМИНАНІЕ О П. П. ПЕКАРСКОМЪ.*)

Академика Я. К. Грота.

Петръ Петровичъ Пекарскій родился 19 мая 1828 г. въ Уфѣ: предки его, выходцы изъ Польши, давно поселились въ Оренбургскомъ краю. Его прадѣдъ по отцу попалъ въ плѣнъ къ Пугачеву, который велѣлъ содрать съ него живаго кожу. Дѣдъ его со стороны матери былъ уфимскій губернаторъ Пеутлингъ. Поэтому-то П. П. шутя говаривалъ, что онъ своею аккуратностью обязанъ нѣмецкому происхожденію. Высшее образованіе получилъ онъ въ Казанскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ; окончивъ курсъ въ 1847 г., онъ былъ опредѣленъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года въ оренбургское губернское правленіе помощникомъ столоначальника, а въ октябрѣ того же года переведенъ въ самарскую удѣльную контору, гдѣ и продолжалъ службу до начала 1850. Переселясь въ Петербургъ, онъ въ ноябрѣ 1851 перешелъ на службу въ канцелярію министерства финансовъ и оставался тамъ съ небольшимъ десять лѣтъ. Въ мартѣ 1862 онъ, послѣ кратковременной отставки, поступилъ въ Государственный архивъ, на вакансію дѣлопроизводителя, по выбытіи изъ этой должности В. И. Ламанскаго. Въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1868 получилъ званіе ординарнаго академика.

Литературная извѣстность Пекарскаго началась уже съ перваго времени его пребыванія въ Петербургѣ: онъ тогда уже избралъ своею спеціальностью исторію русскаго образованія и сталъ помѣ-

---

*) Перепечатывается, съ небольшими измѣненіями, изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1872 года (1-го авг. № 208). Авторъ въ то время находился въ рязанской деревнѣ и написалъ эту замѣтку подъ первымъ впечатлѣніемъ по прочтеніи въ газетахъ извѣстія о смерти своего сочлена.

щать труды свои въ «Современникѣ», а отчасти и въ «Отечественныхъ Запискахъ» *). Какъ постоянны были его занятія по избранной части, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ напечатанныхъ имъ довольно рано статей вошли позднѣе въ составъ его капитальнаго сочиненія: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», увѣнчаннаго въ Академіи Наукъ полною Демидовскою преміей. Въ Государственномъ архивѣ тогдашній начальникъ его, Ѳ. И. Гильфердингъ, вполнѣ оцѣнилъ достоинства своего новаго подчиненнаго и всячески содѣйствовалъ ученымъ занятіямъ его при архивѣ. Первымъ значительнымъ плодомъ этихъ занятій было тогда же изданное собраніе матеріаловъ относительно дѣятельности при русскомъ дворѣ французскаго посланника де-ла-Шетарди.

Въ то же время начался цѣлый рядъ составленныхъ Пекарскимъ монографій, касавшихся исторіи русской литературы, въ связи съ исторіею Академіи, какъ-то: «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II»; «Екатерина II и Эйлеръ»; «Путешествіе академика Делиля въ Березовъ»; «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова»; «Жизнь и литературная переписка Рычкова»; «Новыя извѣстія о Татищевѣ»; «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ»; и многія другія.

Главнымъ источникомъ матеріаловъ для этихъ изслѣдованій служилъ Пекарскому академическій архивъ. Такой характеръ историческихъ этюдовъ Пекарскаго и былъ причиной, что черезъ нѣсколько времени по поступленіи его въ Академію Наукъ, ему предложено было взять на себя составленіе исторіи этого учрежденія. Съ обычною энергіею принялся Пекарскій за новый трудъ, и въ теченіе немногихъ лѣтъ успѣлъ разработать первый періодъ исторіи Академіи, до 1767 года, распредѣленный имъ на два большіе тома, изъ которыхъ первый уже извѣстенъ ученому міру. Положеніе Пекарскаго въ отношеніи къ Государственному архиву послужило поводомъ къ возложенію на него еще другаго, важнаго и почетнаго порученія. По мысли августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Историческаго Общества, Государя Цесаревича Александра Алек-

*) Самый полный списокъ трудовъ Пекарскаго напечатанъ при некрологѣ его, въ *Русской старинѣ* 1872 г. (декабрь, стр. 684—693). Но и въ этомъ спискѣ замѣченъ мною одинъ пропускъ: въ *Современникѣ* 1860 г., т. LXXXIV, № 12, Отд. III, стр. 433—448, за подписью В. Р., какъ мнѣ извѣстно изъ показанія самого Пекарскаго, напечатана статья его: *Новые матеріалы для біографіи Ломоносова* (по поводу изданной Академіею Наукъ переписки Вольфа).

сандровича, предпринято было изданіе бумагъ императрицы Екатерины II, и Пекарскій, при посредствѣ государственнаго канцлера, князя А. М. Горчакова, избранъ редакторомъ собранія этихъ драгоцѣнныхъ историческихъ актовъ. И тутъ работа закипѣла подъ руками опытнаго издателя: въ короткое время 1-й томъ былъ изданъ, 2-й быстро подвигался къ концу. Этимъ двумъ обширнымъ трудамъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ былъ едва по силамъ одному человѣку, нашъ неутомимый академикъ посвящалъ почти все время, остававшееся у него отъ службы по архиву; эту службу несъ онъ, между тѣмъ, также съ свойственною ему во всякомъ дѣлѣ добросовѣстностью, приводя въ порядокъ ввѣренные ему отдѣлы этого неистощимаго историческаго хранилища и составляя имъ описи.

Пекарскій обладалъ изумительнымъ трудолюбіемъ, рѣдкою способностью работать безъ устали. Время его было распредѣлено съ строгою правильностью, отъ которой онъ безъ особенныхъ причинъ никогда не отступалъ. Этимъ только и объясняется, что онъ при постоянной коронной службѣ, успѣлъ въ продолженіе 20-тилѣтней литературной дѣятельности написать такъ много; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успѣвалъ зорко слѣдить за литературой своей спеціальности, въ которой ни одно явленіе не ускользало отъ него, и собиралъ съ величайшимъ тщаніемъ всѣ книги, брошюры и статьи, относившіяся къ этой области: составленная имъ библіотека, отличавшаяся не только полнотой и порядкомъ, но также внѣшнимъ изяществомъ, принадлежитъ конечно къ числу самыхъ замѣчательныхъ спеціальныхъ книгохранилищъ въ Россіи и содержитъ множество библіографическихъ рѣдкостей. Особенно важны въ ней, между прочимъ, коллекціи отдѣльныхъ статей, вырѣзанныхъ имъ изъ журналовъ и газетъ и переплетенныхъ группами, по предметамъ, въ болѣе или менѣе объемистые томы *).

Неоспоримыя достоинства ученыхъ трудовъ Пекарскаго заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ источниковъ, въ положительности, точности и достовѣрности всѣхъ его сообщеній. Въ своихъ разысканіяхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою основательною, осторожною критикою, иногда доходившею, можетъ быть, до излишняго уваженія къ записанному факту, до преувеличеннаго опасенія позволить себѣ какую-нибудь

*) Нынѣ эта библіотека перешла въ руки зятя Пекарскаго, Дм. Ѳом. Кобеко.

догадку или смѣлое соображеніе. Поэтому всѣ труды его носятъ господствующій характеръ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для всякаго будущаго изслѣдователя, но не представляютъ того оживленнаго интереса, которыхъ неспеціалистъ ищетъ въ каждомъ чтеніи. Эту сторону своихъ трудовъ и отсутствіе въ нихъ художественнаго изложенія онъ самъ ясно сознавалъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, и еще незадолго передъ смертью говорилъ, что въ настоящемъ положеніи исторіи русской литературы считаетъ наиболѣе нужными именно такого рода труды, составляющіе первоначальную основу для послѣдующей разработки предмета. Другой недостатокъ, на который Пекарскій также самъ указывалъ въ своихъ трудахъ, относился къ языку, который у него не всегда выдерживаетъ филологическую и литературную критику; онъ откровенно сознавался, что не получилъ надлежащаго филологическаго образованія, и потому не гонится за совершенствомъ въ этомъ отношеніи. Но эти внѣшніе недостатки нисколько не уменьшаютъ научной важности трудовъ Пекарскаго, который ими конечно занялъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и неизгладимо вписалъ свое имя въ лѣтописи Академіи Наукъ. Послѣднимъ трудомъ его по исторіи этого учрежденія была подробная, основанная большею частью на новыхъ источникахъ и вполнѣ безпристрастная біографія Ломоносова, которая, вмѣстѣ съ біографіею Тредіаковскаго, составитъ 2-й и, прибавимъ съ прискорбіемъ, послѣдній томъ превосходной работы покойнаго академика. Долго Пекарскій надѣялся выпустить этотъ томъ къ Петровскому юбилею, но, къ сожалѣнію, такое предположеніе не могло осуществиться. Въ настоящее время томъ почти уже отпечатанъ; всѣ приложенія къ нему были уже сданы Пекарскимъ въ типографію за нѣсколько недѣль до его смерти; оставалось только составить и напечатать подробный указатель, что не могло не потребовать еще довольно времени.

Твердый характеръ, такъ много способствовавшій къ успѣшной дѣятельности Пекарскаго, былъ вообще отличительною чертою во всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Трудно найти человѣка, который бы съ большею послѣдовательностью держался своихъ убѣжденій и правилъ, и трудно встрѣтиться съ болѣе честными и благородными убѣжденіями. Ихъ высказывалъ онъ смѣло, а иногда и рѣзко, не боясь повредить своимъ отношеніямъ даже съ людьми, имѣвшими вліяніе на его обстоятельства. Никогда изъ-за какихъ-нибудь выгодъ онъ не кривилъ душою; голосъ его былъ всегда на

сторонѣ правды и праваго дѣла. Во всякомъ коллегіальномъ собраніи Пекарскій былъ бы незамѣнимо-полезнымъ членомъ; такимъ показалъ онъ себя и во время пребыванія въ комитетѣ литературго фонда, гдѣ со всегдашнею своею основательностью и ревностью участвовалъ въ управленіи дѣлами Общества. Академія Наукъ лишилась въ немъ не только одного изъ самыхъ прилежныхъ дѣятелей своихъ, но и одного изъ благороднѣйшихъ членовъ; можно поручиться, что въ средѣ ея не найдется никого, кто бы не сознавалъ всего значенія этой потери и не скорбѣлъ о ней искренно. Какъ человѣкъ, Пекарскій былъ, безъ сомнѣнія, не чуждъ и нѣкоторыхъ слабостей, именно какой-то угловатости въ сношеніяхъ, часто свойственной такимъ цѣльнымъ натурамъ, и раздражительности, происходившей отъ болѣзненнаго состоянія его тѣла; но прекрасныя душевныя качества вполнѣ искупали эти недостатки. Здоровье его поколебалось особенно послѣ паралича, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поразившаго личные его мускулы и заставившаго его искать исцѣленія въ Парижѣ, гдѣ онъ пробылъ цѣлую зиму (1868—1869 г.), пользуясь электромагнетизмомъ. Хотя онъ и возвратился оттуда, повидимому, поправившимся, но силы его были навсегда подкошены: ни гимнастика, къ которой онъ постоянно прибѣгалъ, ни лѣченіе кумысомъ, прошлымъ лѣтомъ, на родинѣ, не могли совершенно возстановить его здоровья, уже и отъ природы шаткаго. Вторичное лѣченіе кумысомъ могло бы значительно укрѣпить его силы; но служба не позволила ему нынче отлучиться далѣе Павловска, гдѣ онъ поселился съ семействомъ на лѣто, и гдѣ я въ послѣдній разъ видѣлъ его ровно за мѣсяцъ до его смерти. Мы провели вмѣстѣ почти цѣлый день: онъ былъ оживленъ и веселъ; его очень занимала мысль собрать все, что̀ выйдетъ въ печати по поводу Петровскаго юбилея; онъ показывалъ мнѣ, какъ новинку, медаль въ память Петра Великаго, только что появившуюся въ продажѣ.... Мы разстались въ твердой надеждѣ увидѣться въ августѣ, но разстались навѣки.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ и ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ X ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ *).

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга, и страницы предисловія 4-й статьи.

*) Выше, при трудѣ г. Ровинскаго, подъ № 4, *Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ*, находятся особые два указателя.

Паткуль. **3**. 17.

Пекарскій, П. П., бывшій академикъ. Читалъ статьи изъ составляемой имъ біографіи Ломоносова: а) объ отношеніяхъ Ломоносова къ Сумарокову, б) о столкновеніяхъ Ломоносова съ Миллеромъ. Имъ же прочитана «Жалоба Тредіаковскаго на гордость Миллера и грубое обращеніе Теплова». I. О доставленныхъ Смольяномъ родословныхъ таблицахъ о родѣ Ломоносова. II. О статьѣ Шпилевскаго: «Неизданное сочиненіе Ломоносова о коммерціи. III—IV. По поводу кончины Пекарскаго—слова акад. Грота. VI—VII. Его заслуга. Его «Сборникъ Арсеньевскихъ бумагъ». VI. Объ изданіи бумагъ императрицы Екатерины II. LV. **9**. 56—57. I т. этого изданія. **1**. 5. **2**. 6. Содержаніе и значеніе этого труда. **1**. 5 — 11. **2**. 6 — 8. Наблюдалъ за продолженіемъ изданія 7-й книги «Исторической библіографіи» г. Ламбина. **1**. 11. Трудъ по сборнику историческихъ матеріаловъ академика Арсеньева. Содержаніе этого изданія. О біографіи Арсеньева. **2**. 8 — 9. О II т. «Исторіи Академіи». Содержаніе его. **2**. 9 — 10. Его изслѣдованіе: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ». Составъ и значеніе этого труда. **3**. 35. **9**. 4 — 5. 56. О смерти его. Біографическій очеркъ о немъ акад. Никитенко и воспоминанія акад. Грота. **9**. 2. 55. О рожденіи, воспитаніи и службѣ. **9**. 2. 55. О его призваніи и литературныхъ занятіяхъ. **9**. 2. 55. О направленіи и значеніи этихъ занятій и о первыхъ произведеніяхъ. **9**. 2 — 4. Перечисленіе замѣчательныхъ монографій и о спискѣ его трудовъ. **9**. 4. 56. О переходѣ по службѣ и объ утвержденіи спеціальнаго призванія. Торжественное признаніе достоинства его трудовъ, — Демидовская премія и избраніе въ академики. Значеніе такого положенія его. **9**. 5. 55. Общее замѣчаніе о его историческихъ изысканіяхъ. Двоякое ихъ направленіе. О высокомъ значеніи этого направленія. О боязни къ дедукціи и о документальности изысканій, объ академическомъ методѣ ихъ. **9**. 6 — 7. Изданіе: «Маркизъ де ла Шетарди». Значеніе его. О важнѣйшихъ академическихъ работахъ. **9**. 7 — 8. 56. О составѣ, общемъ характерѣ, значеніи и объ оцѣнкѣ его послѣдняго труда: «Исторіи Академіи». **9**. 8 — 14. 56. VI. О біографіяхъ Тредіаковскаго и Ломоносова. О недостаткѣ въ этихъ біографіяхъ искусной группировки характеристическихъ подробностей. О богатствѣ и достоинствѣ фактовъ. Особенность біографіи Ломоносова и о ея значеніи. Недостатокъ въ изложеніи тѣхъ данныхъ о Ломоносовѣ, которыя касались словесности и образованія литературнаго языка. О послѣднихъ словахъ о Ломоносовѣ. **9**. 14 — 17. 58. I. О немъ, какъ о человѣкѣ. О его трудолюбіи и постоянномъ стремленіи къ истинѣ. О немъ, какъ о товарищѣ. О слѣдахъ его существованія. **9**. 17 — 18. 57. О его предкахъ. **9**. 55. Періодическія изданія, въ которыхъ помѣщались его труды. **9**. 56.

О необходимости коренной реформы русскаго быта. Обвиненія въ слабостяхъ и ошибкахъ и сомнѣнія въ безусловномъ его величіи. О самомъ строгомъ судьѣ его, Карамзинѣ. З. 11 — 13. О двухъ главныхъ обвинительныхъ пунктахъ. З. 13 — 23. О народныхъ обычаяхъ. О гоненіяхъ за бороду и одежду и о причинѣ крутыхъ мѣръ. З. 13 — 14. Мысль о сближеніи Россіи съ западомъ и о законѣ преемственности образованіи. З. 14 — 15. О «нѣмецкой слободѣ». З. 15 — 16. Объ усиленіи въ Россіи европейской колонизаціи. О попыткахъ предшественниковъ Петра и объ указаніи самой природы Россіи на ея дружное единеніе съ остальной Европой. Вызовъ иностранцевъ, какъ временная мѣра для развитія науки и промышленности. З. 16 — 18. Обвиненія въ крутыхъ и насильственныхъ мѣрахъ. З. 18 — 23. Бытъ русскаго народа до Петра. З. 18 — 21. Примѣръ великаго дѣятеля относительно національнаго самолюбія. З. 19. Доказательство того, что пришло время для преобразованій. З. 20. Требованіе еще болѣе рѣшительныхъ преобразованій. З. 21. Его взглядъ на неизбѣжность принудительныхъ мѣръ. О пыткахъ, о жестокости наказаній и о насильственной гибели цѣлыхъ массъ народа при построеніи Петербурга. З. 22 — 23. Обвиненія нашего времени, что преобразованія Петра имѣли чисто внѣшній характеръ, З. 23 — 25. Объ отношеніяхъ къ французскому языку. З. 24. 52. О мѣрахъ къ облегченію крѣпостнаго состоянія. З. 25. 52 — 53. Объ особенномъ вниманіи къ народной нравственности. Знаменитый «Духовный Регламентъ». Значеніе и важность этого узаконенія. З. 25 — 29. 31. 33. Находилъ нужнымъ издать общепонятныя книжки. З. 27. О законѣ противъ нищихъ-бродягъ. З. 28. Постановленія о духовенствѣ и монашествѣ. З. 29 — 30. 31. Его заботы объ очищеніи религіозныхъ понятій и о преобразованіи монастырей. Составилъ програму обличительнаго сочиненія противъ ханжей. О его ненависти къ ханжамъ. О цѣли его обширнаго и многосложнаго законодательства. З. 31. О распространеніи знаній путемъ литературы. О книжномъ дѣлѣ и устномъ словѣ Ѳеофана. Его ближайшій сотрудникъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и посредникъ между имъ и народомъ—архіепископъ Ѳеофанъ. З. 31 — 34. О сочиненіяхъ Ѳеофана и о произведеніяхъ самого Петра. О его непосредственномъ участіи въ книжномъ и типографскомъ дѣлѣ. О началѣ русской свѣтской литературы. З. 34 — 35. Его старанія о переводахъ. О колыбели русской свѣтской литературы и гражданской печати и о первомъ исполнителѣ плановъ Петра по этому предмету, Копьевичѣ. О происхожденіи гражданскаго шрифта. З. 35. 55. О переводчикахъ: изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. З. 36. О стараніяхъ Петра привлечь западныхъ славянъ къ переводамъ иностранныхъ книгъ. З. 37 — 38. 55. О дѣйствіяхъ по улучшенію русскаго театра. З. 38.

человѣкъ. **2**. 12. О его геніальныхъ способностяхъ и о подготовкѣ его. **2**. 13. О многочисленныхъ его работахъ и о собраніи законовъ. **2**. 13. О чувствѣ долга въ немъ. Общія черты характеристики. **2**. 14. О честолюбіи. О сѣтованіяхъ подъ гнѣтомъ изгнанія. Строки изъ его письма къ императору Александру I. **2**. 15. О недостаткахъ и слабостяхъ. О его содѣйствіи успѣхамъ отечественнаго слова. О немъ, какъ о членѣ Россійской Академіи. Значеніе его перваго литературнаго опыта. О немъ какъ о преподавателѣ словесности. О его книгѣ «Правила высшаго краснорѣчія». **2**. 16—18. Его административный языкъ. **2**. 18—19. 20—23. Его переводъ «Ѳомы Кемпійскаго». Объ энтузіазмѣ ко всему великому. **2**. 19—20. О его бумагахъ, хранящихся въ Публичной библіотекѣ. О трактатахъ, касающихся преимущественно практической философіи. Его письмо къ императору Александру I, изъ Перми. Историческое значеніе его. **2**. 23. О значеніи воспоминанія о Сперанскомъ. О типической личности его. Сперанскій, какъ примѣръ уваженія стремленія къ интересамъ общенароднымъ. О выраженіи жизнію Сперанскаго идеи, что великія дарованія обязываютъ человѣка употребить ихъ во благо людямъ. **2**. 23—24. Въ память его напечатанный сборникъ, содержащій въ себѣ данныя для его жизнеописанія. **9**. 33.

Срезневскій, И. И., академикъ. Его статья о русскомъ правописаніи. II. Его отзывъ о трудѣ А. Н. Попова: «Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати Хлудова». VII. VIII. XVII. О супрасльской рукописи XI вѣка. VIII. XXXII. Его замѣтка «объ образованіи словъ». XIV. LXVI. Обратилъ вниманіе на «Письма А. И. Тургенева» и прочелъ объ этомъ статью. XIV. Памятники русской литературы XII и XIII в. Яковлева и «Номоканонъ» А. С. Павлова. Представилъ рукопись М. И. Сухомлинова «Языкъ и слогъ Жуковскаго» и свѣдѣнія о занятіяхъ автора. XV. Заявилъ о выходѣ книгъ: а) Азбука графа Л. Толстаго; б) Очерки исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол. М. Колосова; в) Христоматія по исторіи русскаго права, М. Владимірскаго-Буданова и г) Путешествіе архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка. Представилъ: а) обозрѣніе средневѣковыхъ записокъ о Константинополѣ и его достопамятностяхъ; б) переборъ свѣдѣній о церкви Софіи. XXXV. LII. Его записка о К. И. Невоструевѣ. XXXVII. Его записка о трудахъ П. И. Савваитова. XLI. Объ изданіи: «Христоматія по исторіи русскаго права». М. Ф. Владимірскаго-Буданова. L. Его отзывъ о «Сборникѣ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи». LIV. О занятіяхъ по изслѣдованію о древнихъ памятникахъ отечественной словесности и языка. О Кормчей книгѣ **1**. 1. Ея древнѣйшіе списки. Результатъ отъ сличенія и разбора рукописей Кормчей. **1**. 2. **2**. 3. 4. О значеніи этихъ